

Отшельники. Клан заката.

Книга первая...

Михаил Тихонов
2020 г.

Михаил Тихонов

Отшельники. Клан Заката

Серия «Империя Отшельника», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65582247
Отшельники. Клан Заката: 2020*

Аннотация

В этом мире, Земля крутится в обратную сторону... Запад стал востоком, а восток западом. Здесь правят князья и императоры. О революциях никто не слышал и в помине. Да и, маги, стоящие на службе владетельных дворянских кланов, не дадут и помыслить о таком.

Здесь все иначе, но для Марка, разница незаметна...

Его нашли замерзающим, на лесной дороге в летней одежде... Смутные воспоминания о семье, каких-то событиях... Откуда он взялся? Разве может ребенок пяти лет, объяснить то, что не в состоянии понять маги?

Марку повезло... Князь Рифейский, незадолго до этого потерявший свою семью, усыновляет его. А дальше, все как у всех дворянских отпрысков. Домашние учителя, лицей, академия... Возможно служба, или собственное дело. Для наследника древнего рода, все пути открыты...

Марк споткнулся на втором пункте. Нелепая драка, и вот у тебя уже могущественные враги, не прощающие обид...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Глава 2	32
Глава 3	45
Отступление 1	58
Глава 4	71
Глава 5	85
Глава 6	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Михаил Тихонов

Отшельники. Клан Заката

Пролог

Снег... Все еще идет снег, который резкий ледяной борей закручивает в маленькие вихри, разбегающиеся от копыт тройки лошадей, тянущих за собой крытый возок по Великокняжескому тракту... Тяжелые тучи, закрывшие небо, превращают день в вечерние сумерки, таких же хмурые, как и лицо пассажира возка...

Настроение у Глеба Георгиевича, с самого начала этой поездки не поднималось ниже нуля... И так дела ни к черту, а тут еще и внеочередной Совет родов старшей ветви клана Рюриковечей... На котором, Глебу Викторовичу, как главе Рифейского рода, являвшегося прямыми потомками Святослава Игоревича, основавшего правящую династию огромной конфедерации княжеств, раскинувшуюся от Балтийского моря до Рифейских, они же Закатные, гор, быть надлежало обязательно...

Князь... Не великий, конечно, но титул все же Глеб Георгиевич имел... Один из немногих глав родов, входящих в состав клана правящей династии. Все, что и осталось, от некогда сильного рода... Только титул, да глава...

Мысли были тяжелыми... И среди них не имелось даже намека на просвет. На грубом, будто высеченном из камня лице, украшенном тонким шрамом от левого глаза, до подбородка, который так и не смогли вывести лекари, ни тени эмоций или чувств. Лишь из-под нависающих бровей изредка мелькает раздраженный взгляд.

Мало того, что Совет, вместо того, чтобы решать важные для государства дела, занимался ерундой вроде составления новых правил поведения холопов при встрече с хозяином, и выяснением, в какой руке нужно держать вилку на приеме у Великого князя, так еще и ради этой ерунды, Глебу Викторовичу пришлось проделать немалый путь через всю страну, изрядно потратившись на оплату скоростных поездов и церемониальный наряд, который только раз и одел.

А надо сказать, что с финансами у рода дела идут сильно не очень... Когда-то сильный и многочисленный Род, за последнюю сотню лет пришел в упадок... Будто порчу кто навел. Ведь только в столице, еще прапрадедушка, Игорь Глебович, владел сетью гостиниц и заводом по производству магических светильников.

Сейчас, единственное, что осталось у его потомка это небольшое поместье в Рифейских горах, с которого и доходу немного. Да еще и граница рядом с дикими племенами кочевников, которые нет-нет, да забредут в горы...

Полжизни проведя на военной службе, почувствовав в нескольких пограничных конфликтах с литвинами и герман-

цами, после смерти отца Глеб Георгиевич, выслужив звание полковника, решил, что пора бы и отдохнуть от трудов ратных, поэтому вернулся домой.

Женился, родился сын. Глеб Георгиевич понемногу занимался делами поместья. Учитывая неплохой пенсион отставному офицеру, и кое-какие накопления со времен службы, то дела семьи потихоньку-полегоньку стали управляться.

Сначала прикупил небольшую пасеку, по соседству. Нанял работных людей... Со временем, те десять ульев, с которых Глеб Георгиевич начинал восстанавливать Род, увеличились до нескольких тысяч, принося только доходу с торговли медом по пять сотен золотых червонцев в год... И это, по меркам провинции было весьма и весьма прилично. Что говорить, если добротный дом, в губернской столице, что в трехстах километрах от поместья, стоит всего двести червонцев.

Вот только купаться в роскоши потомственный дворянин не спешил. Помня свое детство, не такое уж и светлое, несмотря на дворянское достоинство и наследный титул... Бывало и голодать приходилось.

Все потому, что батюшка покойный, будучи человеком не самым порядочным, частенько злоупотреблял выпивкой и карточными долгами. В итоге, проиграл почти все, кроме вот этого самого поместья.

Глебу Георгиевичу, тогда еще просто Глебушке, как его все время звала мать, было лет четырнадцать, когда отца на-

шли с перерезанным горлом у порога питейной в столице, где он несмотря на то, что семья уже перебралась в пригра-
ничье, проводил все свое свободное время...

Что в тот момент почувствовал Глеб Георгиевич, который
нежданно-негаданно вдруг стал главой не только семьи, но
и Рода, в довесок получив и место в Совете клана? Ничего.
Потому что, он даже не понял, что отца не стало. С самого
раннего детства его не было рядом. Воспитанием сына пол-
ностью занималась мать, работавшая учителем у дворянских
отпрысков Белецкого уезда...

Денег, которые платили местные служилые люди, едва
хватало, чтобы не умереть с голоду матери с сыном. А тут
еще и вдруг оказалось, что Глеб должен соответствовать сво-
ему новому положению... Одежда, слуги, собственный вы-
езд...

Все это стоило по меркам едва сводящей концы с конца-
ми семьи, просто баснословных денег... Взять которые было
просто негде. Хоть Глеб, с десяти лет и старался найти ра-
боту... Но... Кто ж возьмет потомственного дворянина гор-
батиться на полях или в лавке помогать? Да ладно простого
дворянина... Еще можно пристроиться в дети боярские, или
куда еще в других родах, или вовсе к выморочным в денщи-
ки-оруженосцы...

А вот наследника Рода, входящего в клан, к которому при-
надлежит и правящая династия Великих князей, правите-
лей Великорусского союза... Без вариантов. Если только в

разбойники подаваться или вовсе к кочевникам... Что сразу означало исключение из Рода и превращение в отщепенца, которого мог убить любой подданный Великого Князя... И ему ничего за это не будет. Изгоем быть Глеб, несмотря на малые лета, быть не хотел. Да и честь дворянская, не пустой звук для потомка правителей, создавших Великую Державу, чьи знамена развевались и в аравийских пустынях, и на берегах Срединного моря, и в злых горах диких скандинавов и скоттов...

Кодекс чести впитывается в семьях аристократии, как на новомодный латинский манер стали звать представителей высшей знати, впитывается с молоком матери... Хотя... Голод, такая штука, что заставит поступиться любыми принципами. Главное – выжить.

Не сказать, что Глеб преступил закон, но пару раз, было дело, обчистил карманы у ротозеев на рынке в Белецке...

Первый раз, когда мать захворала, а денег заплатить местным лекарям не было. Глеб в тот раз, пользуясь своей неприемной внешностью и врожденной ловкостью, стащил кошелёк у зазевавшегося купца откуда-то из-за гор, приехавшего продать лошадей на ярмарку в Белецке...

Несколько серебряных рублей, полностью ушли на оплату услуг случайно оказавшегося в Приграничье мага-лекаря из самой столицы. Каким уж ветром того занесло на окраину, никто и не знает... Но мать он на ноги поставил за пару дней.

Помнится, тогда Глеб впервые в жизни соврал матери,

сказав, что денег дала четвероюродная тетя. Ох и влетело ему, что сын пошел просить помощи у родных мамы... После того, как они с отцом поженились, наперекор воли главы Рода, из которого происходит женщина, всяческая поддержка и общение с маминой родней было оборвано. И даже в самые тяжелые времена, мама никогда не шла на поклон, к тем, кто вычеркнул ее из семьи.

В общем, расчет Глеба, на то, что мама не пойдет проверять его слова – сработал на сто процентов. Правда, мать ни в какую не хотела принимать эти денег, как якобы помощь со стороны родственников, поэтому заложила ростовщику фамильное обручальное кольцо и поручила Глебу вернуть деньги...

Само собой, никаких денег он никому не вернул. Они легли в тайничок, на черный день... А кольцо... Кольцо и было тем вторым разом. От природы имею гибкий и изворотливый ум, он вскрыл лавку ростовщика и стащил кольцо, которое легло туда же, в тайничок...

Помнится, шуму было... На весь уезд. Даже с губернской управы сыскари приезжали. Безрезультатно. Пропало не так уж и много, но сам факт взлома магической защиты, при этом никаких следов грабителей, включая слепок ауры, обнаружить не удалось...

Под силу такое могло быть только опытным магами, коих в таких диких местах встретить было просто не реально. Ну лазают специалисты такого класса по приграничью. Де-

лать им тут нечего. Масштаб мелковат, так сказать. Да и взяли-то немного, по заверениям ростовщика. Несколько побрякушек золотых и все...

А уж подумать, что такое способен провернуть обычный мальчишка двенадцати лет, благородных кровей, но без малейших намеков на обладание даром...

В общем, так и не найдя ответов, сыскари уехали, пострадавший получил страховку, а Глеб... Глеб больше не воровал. Никогда. Нет, конечно трофеями в бою не брезговал. Что с бою взято – свято. А вот так воровать, больше никогда...

Глеб Георгиевич, потянулся, пытаясь размять затекшие от долгой дороги в тесном возке мышцы и наклонился к небольшому окну в дверке, глянуть, где они едут...

Правда за тонким стеклом ничего так и не удалось разглядеть... Выюга все сильнее расходилась, портя и так плохое настроение... Глеб Георгиевич поежился от прохлады и поплотнее закутался в теплую медвежью шубу. Все же надо было остановиться в гостинице, переждать непогоду, а потом уже и ехать...

Или нанять самоходную повозку. Тоже из новинок... Говорят, какие-то маги сумели создать двигатель, который работал от какого-то там огня внутри железного корпуса. Глеб Георгиевич не особо интересовался новинками. Хотя в последние годы, их становилось все больше...

Говорят, это из-за того, что магов стало рождаться все

меньше, и силы их уже были не те... Впрочем, с этим утверждением князь готов был согласиться... Магов и правда стало гораздо меньше. Какими бы они не были долгожителями, а умирали... Только вот новых взамен практически не рождалось... Почему и от чего, в этом отставной полковник не разбирался... Но слухи ходили, что из-за кровосмешения... Мол, после того, как магам разрешили брать в жены кого понравится, а не только из своих таких же одаренных, и начали они слабеть с каждым поколением.

Так или не так, Глеб Георгиевич даже не желал разбираться. Он не был магом. Единственное – он знал способ, как нейтрализовать воздействие магической силы. Тот самый, который помог ему вскрыть злополучную лавку ростовщика.

Секрет прост – глина из Серебрянного ручья, что течет уже по ту сторону границы, на западных отрогах Рифейских гор в пяти верстах от поместья. Как-то раз, Глеб убежал из спроса из дома в леса и умудрился напороться на огневика. Природный элементаль, обычно не обращающий внимания на людей, почему-то решил погоняться за маленьким сорванцом.

И загнал в итоге в верховья Серебряного ручья... Какого же было удивления мальчика, когда выпущенный элементом огненный шар, исчез, едва коснулся перемазанной спины. Чтобы материализоваться со стороны груди, не причинив никакого вреда... В науку Глеб не вдавался, но запомнил такое свойство грязи из верховьев ручья...

К сожалению, вернувшись после службы, Глеб Георгиевич обнаружил, что место, где он тогда нашел эту глину, завалило скальными обломками во время землетрясения...

Поерзав, устраиваясь поудобнее на жесткой скамье, помещик откинулся на твердую стенку возка и прикрыл глаза, погружаясь в мысли о прошлом... А, что ему еще остается, если вся его жизнь оказалась бессмысленной...

Мама, к большому сожалению, так и не дождалась возвращения сына со службы... Умерла, когда Глеб был далеко на востоке, гоняя по болотам дружины литвинов, в очередной раз решивших поиграть на нервах у своих западных родственников...

Вот же народец... Вроде братский, и по крови, и по языку, а хуже германцев... Особенно, как в Княжестве Литовском первую скрипку стали играть поляки. Тоже ведь родственный народ, но вот ненависть такая, что и чужаки удивляются... Причем причин вражды вам не назовет никто из ныне живущих. Слишком далеко в века уходят корни распри...

Даже и на похороны мамы не смог выбраться... В госпитале оказался. Лишь после излечения сумел выпросить отпуск и съездить в родные пенаты, где его никто уже не ждал, кроме пустых, разом ставших холодными, стен усадьбы...

Хлопок кнута, раздавшийся по ощущениям над самым ухом, выдергивает Глеба Георгиевича из воспоминаний.

«— Сколько еще ехать-то?» — мелькает в его голове усталая мысль, чтобы через мгновение раствориться без следа.

Высматривать местность, где они сейчас проезжают, князю было ни к чему, да и толку особого нет – выюга расходилась все сильнее, перекрывая обзор...

До темноты добраться до поместья все равно не удастся. Но для помещика это не имело особого значения... Последний год торопиться ему стало просто некуда...

Поплотнее укутавшись в медвежий тулуп, которую заботливый конюх захватил для своего хозяина, Глеб Георгиевич прикрыл глаза, мечтая провалиться в сон. Возок ехал ровно и плавно, поэтому в любой другой ситуации, уснуть отставной офицер смог бы без проблем...

Если бы не бессонница, мучившая князя уже не первый день. Мысли... Тягучие, как горячая магма, льющая из жерла вулкана, они не давали покоя уставшему разуму князя.

Да, мама так и не дождалась своего единственного сына со службы... И это было не слабым ударом. Но жизнь не заканчивается. Круговорот. Однажды, умрут все, на смену придут другие, которые так же будут жить, воевать, любить и мечтать...

Сын стал той отдушиной, куда, не знаящий отцовского наставления князь, вложил весь свой нерастраченный запас любви и заботы... Князь всего себя вложил в семью и их благополучие. Надежда, что он сможет вернуть былую силу и славу рода, а если даже и не он сам, то наследник непременно сделает это... Главное, создать базу... Ту опору, которой не было у Глеба Георгиевича...

Все рухнуло в одночасье...

Глеб Георгиевич, как раз отбыл по делам в Белецк. Нужно было договориться со скупщиками о поставках меда с пасеки и прикупить необходимого инвентаря и материалов. Задумывалось очередное расширение и так немаленькой пасеки.

Холоп из усадьбы, с трудом сумевший разыскать хозяина в городе, принес черные вести... Пасека, дело, которому он посвятил всего себя и которое должно было стать тем трамплин, который даст шанс Роду на выживание... Сгорела... Вместе с сыном, как раз приехавшим погостить на выходные и первым бросившимся тушить пожар... и десятком холопов...

Закрутило в огненном вихре, без малейших шансов на спасение... Потом, даже тела не нашли... Лишь медальон, одетый жрецом в храме Дажьбога... Его и похоронили... А от работных людей и этого не нашлось на пепелище...

Почему и отчего загорелись ровные ряды ульев, выяснить так и не удалось. Никого из посторонних в окрестностях в тот день не видели. Приехавшие маги, которых подавленный Глеб Георгиевич вызвал аж с губернской столицы, пару недель перерывавшие пепелище, ответ так же не нашли...

Никаких следов... Случайность. Стихия. Загорелся лес по ту сторону границы. А погоды стояли сухие, да еще и ветра... неудачное стечение обстоятельств и для князя все закончилось в один момент... Надежда умерла...

Нет, не из-за потерянного дохода он грустил. Денег заработать можно снова... И пасеку восстановить, пусть и не такую огромную, но все же... Пару пчелиных семей удалось уберечь от пожара... Только вот ради чего? В могилу их с собой не заберешь...

Жену, впавшая в какое-то странное апатичное состояние после смерти ребенка, в котором она души не чаяла, несмотря на попытки Глеба Георгиевича вернуть ей интерес к жизни, тоже недолго протянула... Через пару месяцев ушла вслед за сыном, бросившись со скалы...

Вся жизнь... Вся жизнь князя, сгорела за несколько часов... Не старый еще, только-только перешагнувший через пятый десяток лет мужчина, остался один... Ни семьи, ни Рода, ни желания...

Была мысль продать поместье, переехать в столицу, и доживать свои дни там, где ничто не напомнит о надежде... Вспыхнувшей, подобно падающей звезде и так же скоротечно погасшей...

Но... Могилы жены и сына, не отпускают... Князь, чуть было не последовавший вслед за родными, стоя в родовом склепе, вдруг осознал – пока он жив, его любимые тоже будут жить... Пусть лишь в его воспоминаниях...

– Но, волчья сыть! Пошли! – зычный голос Акима, единственного из слуг, кто наотрез отказался покидать князя, когда тот дал остальным холопам вольную и отпустил на все четыре стороны, в очередной раз разорвал тишину лесной

дороги.

Глеб Георгиевич пропустил момент, когда возок свернул с тракта в сторону поместья, витая мыслями где-то там, в бесшабашной молодости и счастливой зрелости... До дома осталось всего ничего. Пара верст до Рыхляевки, да потом еще версты три до усадьбы.

– Ух! Я вам! – Очередной щелчок кнута.

Но вместо того, чтобы ускориться, возок, рыскнув из стороны в сторону, резко останавливается. Глеб Георгиевич едва не слетает с жесткой скамьи от внезапного толчка...

– Аким, ты чего это? Вожжами пользоваться разучился? – раздраженный задержкой, Глеб Георгиевич, решил приоткрыть дверь возка и выяснить, чего это конюх вытворяет.

– Вашсияство... – Аким, грузный мужичонка, неопределенного возраста в волчьей шубейке и треухи, кряхтя спрыгивает с козел. – Кони встали, и ни идут ни в какую... Гляну, можа дорога опять завалена... – Чуть поклонившись, конюх направился вперед, посмотреть, что же там так напугало коней, что они встали.

– Ваше сиятельство! – Глеб Георгиевич еще не успевает вернуться на свое место, как откуда-то спереди доносится взбудораженный крик Акима. Причем, судя по тому, что он четко выговорил правильное обращение, не проглотив по привычке буквы, случилось что-то из ряда вон выходящее... – Ваше сиятельство! – Крик повторился.

Глеб Георгиевич, в каком бы он душевном состоянии не

был, остается опытным отставником-военным. Пара движений и неудобный, сковывающий движения тулуп летит в сторону. Оставшись в одной куртке, на теплом меху князь подхватывает из стойки саблю и прыжками несется к тому месту, откуда доносится крик, готовясь принять бой...

Нескольких мгновений хватает князю, чтобы добраться до стоящего столбом Акима. Опытным взглядом пробежав по округе, и не найдя ничего опасного не увидев, Глеб Георгиевич подходит поближе и с удивлением смотрит на причину, по которой лошади отказались идти вперед...

Кони никогда не наступят на человека, если ими не управляет всадник, или если специально на это не натаскивали...

В сгущающихся сумерках, на рыхлом снегу, свернувшись клубочком и чуть слышно всхлипывая, лежит, дрожа от холода мальчишка лет пяти-шести на вид, в незнакомый покрой одежонке. Одного взгляда хватает, чтобы понять, что тонкая ткань не защищает от ветра и холода вовсе. Лицо и голые руки уже синеть начали, а волосы и веки покрылись легким инеем...

Мальчишка едва в силах вздохнуть ледяной воздух, чтобы с всхлипом выдавить его из себя... Как еще жив-то... Но тем не менее, видимо услышав шум поблизости, он отрывает от земли голову и поднимает на князя с конюхом блестящие от слез глаза, в которых читается безумный страх.

Только он не делает никаких попыток даже подняться, лишь сильнее прижимая к груди плюшевого медведя, с ото-

рванным ухом и торчащей из дыр в нескольких местах ватой....

Глава 1

Уф... Сдал... С облегчением покидаю учебный класс, в котором проходит экзамен по арифметике, не забыв аккуратно прикрыть за собой дверь, чтоб не хлопнула... Конечно, хочется вдарить со своего размаху, но... Пал Егорыч и так меня гонял по дополнительным заданиям, насилиу справился, чтобы получить заслуженную тройку в табель, а если хлопну дверью, то после новогодних праздников можно вообще не появляться на занятиях господина учителя...

Я и так вишу на отчислении... за поведение в основном, но по большей части за лень... Агась... Ну, не интересно мне сидеть в душном кабинете и слушать нудные лекции, от которых так и тянет в сон... Кстати, это тоже одна из причин, по которой директор Белецкого дворянского лицея, в который уже раз хочет меня отчислить... Сплю на занятиях...

Что поделать, скучно мне... Четвертый год уже мучаюсь в этих стенах... На кой черт сдалась эта учеба? Ну, не люблю я это дело... Только вот отец, говорит, что надо... Лучше уж на пасеке пахать, чем зубрить всякую разную муть... Дроби, интегралы.... Брр...

И вообще, зачем надо было в этот лицей меня устраивать? Дома же нормально учился. Маргарита Матвеевна, на мой взгляд, лучше разбирается в той же арифметике или ботанике, чем лицейские господа учителя... Ну, и интереснее рас-

сказывает... По крайней мере, спать не хочется...

Но, отец сказал, что надо... Знакомства, связи... В будущем пригодится, типа... Угу... Ладно, недолго еще мучиться... Послезавтра последний экзамен зимний, и потом на ка-никулы! Поброжу по горам, на охоту с отцом выберемся... С дядей Акимом на конях покатаемся...

– Эй, приемыш! – Противный визгливый голос со спины, выдергивает меня из мечтаний о скором отдыхе. – а ты чего здесь забыл? Здесь лицей для приличных людей, а не для всяких холопских выроdkов. Да и твоих куриных мозгов разве хватит, чтобы понять, что такое наука?

Черт... Ну, вот как так... Только настроение хорошее появилось, как всегда найдется гнида, которая его испортит... И конкретно сейчас, эта гнида приняла образ моего за-клятого врага... Эриха Дубельта. Ур-род... Каких поискать...

Высокомерный крысеныш, который в лицее нашем появился в прошлом году и сразу стал моим вечным раздражителем. Говорят, его отца, бывшего какой-то важной шишкой в столицах, сослали в наши края за растрату. Цельный герцог. Из курляндских тевтонов, даже вроде бы... То ли перебежчик, то ли его земли на меч взяли, но оказался этот герцог в столице Великого княжества Московского и Русского. А после уже в нашей глухомани...

Ну, собственно, в первый же свой день на нашем потоке, мы с Эрихом и подрались... Точнее, как подрались... Так себе из него драчун, даже и не скажешь, что дворянин. По-

рой дворовые пацанята машутся лучше. В общем, нос я ему разбил, а он взял и разнылся, как девчонка.

А нечего было Лизку обижать... Она, конечно, из нетитулованных дворян и не из богатой семьи, да и вообще, вредина, каких поискать... Конопатая, ага... Но подтрунивать над ней могу только я. Потому что за одной партой сидим уже который год. А тут какой-то пришлый щегол вздумал ее унижить...

Меня тогда за драку в аудитории лица, чуть не выгнали. Герцог был в ярости. Как же, его сынишку-наследника прилюдно унижил какой-то нищелюб. Не, так-то мы с отцом не бедные. Денюжки имеются, но по сравнению с герцогом, конечно, не так уж и много.

Курляндцы эти, сразу по приезду выкупили целый квартал рядом с городской управой, где и поселились всем родом. Дворян пришлые старались не задирать, а вот простолюдинам доставалось... Упаси бог, какого холопа или крестьянина оказаться ночью в том районе, так можно и не вернуться домой вовсе. Или вернуться, но выпоротым. Девочек насильничали, парней избивали...

И управы на них никакой не было. Уездный глава уже и в губернию жаловаться пробовал, чтобы герцога и его людшек остепенили. Какой там... Через неделю, после того, как глава съездил в губернскую столицу, его дом сгорел. Дотла. Поговаривали, что это дело рук герцога, но никаких доказательств не нашлось...

И сам глава управы после того случая, ушел в отставку, по состоянию здоровья и отбыл со всем семейством в родовое поместье, где-то в Волжской губернии. На его место прислали нового, из мелкопоместных дворян. Так тот и вовсе все по герцогской указке делает...

Герцога и на дуэль уже пытались вызвать неоднократно, но в нашей глуши, единственный, кому он не сможет отказать в поединке... Ага... Мой отец. Хоть герцог и богаче гораздо, но наш род древнее, да еще и княжеский.

Наверно, лишь поэтому меня все еще держат в лицее. А так, давно бы герцог сделал все, чтобы меня исключили.

Из-за сыночка своего... Помнится, в тот первый раз, разобравшись в чем дело, отец одобрил мой поступок, но взял слово, что в стенах лицея я устраивать драки больше не буду. Вот и приходится терпеть это чудо-юдо безголовое...

Пока он в здании и во дворе учебного заведения, хе-хе... Жаль, мне редко дают увольнительные в город. Это крысеныш живет в своем особняке в курляндском квартале. Мне приходится делить комнату в общежитии с таким же учеником, как и я.

Не, ну Гриша, он нормальный. Спокойный, рассудительный, только слегка туповат... У него отец делопроизводителем в городской управе числится, тоже из нетитулованных дворян. Да, собственно, в Белецке тех, кто имеет титул, не больше десятка на весь городок.

Вместе с моим отцом и мною. Хотя, официально, я пока

еще не князь, а княжич, так как не достиг совершеннолетия. Княжич, это не совсем титул... Скорее просто статус, никак не закрепленный в кодексах законов. Вот так и получается, что дети не могут иметь титулов, обязывающих нижестоящих оказывать определенные почести.

Не знаю почему, но вот так. То есть, с точки зрения законов, лично я, и какой-нибудь свободный крестьянин, равны между собой, и он не обязан мне кланяться при встрече. Как и герцогский сыночка...

Хе, чего вспомнил-то... Не зря у нас самое большое количество уроков отведено изучению законов и указов. Кстати, в Дворянском кодексе, прямо указано, что нарушителю «Слова дворянина», если имеются свидетели клятвы, грозит высылка и понижение в социальном статусе.

К чему это я... К тому, что в стенах лицея, приходится терпеть нападки этого уродца. Слово дал... Тем не менее, пару раз, неизвестный в маске, жестоко избивал герцоговича по пути домой... Хе-хе... Не забыв вывернуть карманы.

Правда нападавшего найти так и не удалось. Конечно, в первую очередь на меня подумали, но никаких доказательств не имеется. Тем более, ценности в виде золотых цепочек и браслетов, чуть позже всплыли у ростовщиков. Но ни один из скупщиков так и не смог объяснить, откуда они у него взялись.

А я чего... В те дни как раз в общежитии лицейском находился. И Гриша подтвердил, что я в это время зубрил ариф-

метику. Хе-хе... Да и как бы я без увольнительной вышел с территории учебного комплекса? Никак нельзя...

Самым тонким моментом во всех этих вылазках было то, что Гриша расколется. Но нет... Он хоть и туповат, но сумел сопоставить мою просьбу прикрыть, отсутствие меня в лицее и то, что герцогский сынок потом три дня с синяками ходил...

А драгоценности? Чего драгоценности? Подкинул просто. Мараться еще... А так, списали все на залетных разбойников, да и вся недолга. Мне повезло, что из-за такого пустяка сыскарей губернских не прислали, с магом. Точно бы вычислили.

Хотя, отец почему-то был уверен, что эти нападения моих рук дело и, когда я приехал на выходные, прочитал целую лекцию. Думаете о том, что так нельзя делать? Как бы ни так... Он мне пару способов, как следы замести, так чтобы даже маги ничего не нашли, показал.

Вообще, до того момента, я и не подозревал, что мой отец не такой уж и поборник дворянской чести, каким его все считают вокруг.

– Ха-ха, приемыш, ты че? Глухой что ли? – Визгливый голосок крысеныша, снова отвлекает меня от размышлений. Видимо, не дождавшись реакции, решил все же довести меня. – Посмотрите, он не только тупой, но и глухой, ха-ха. – А это он уже не мне. Кому интересно?

Блин, вот честно, так не хочется оборачиваться... Этот

уродец, поняв, что я не буду его трогать в стенах лицея, не упускает ни малейшего шанса, чтобы меня подначить, задеть или еще как-то спровоцировать. А я... Ну, а что я... Мшу, как могу, чтобы на меня не подумали.

То приклею его к унитазу, то стул веревкой из-под задницы выдерну. Мелкие пакости, так сказать. Не больно, но обидно. И унижительно... Эрик уже стал ходячим посмешищем в лицее. Хоть в открытую над ним и не смеялись, боясь мести, но за спиной непременно шушукались.

Особенно, после того, как я вычитал в одной из книг по химии, рецепт одного интересного зелья, делающим невидимым любой неживой предмет, на который оно попадет. Ведро с зельем, вылитое на голову недруга, заставило того бежать по коридору до раздевалки абсолютно голым. На виду у всех учеников, как раз высыпавших из кабинетов на перемену...

По мне, так лучше бы я ему морду расколошматил. Да и все, на этом конфликт исчерпали. Но... Нельзя. Приходится обходиться такими вот методами.

Эрик, кстати, тоже пытался пару раз устроить мне подобные ловушки. Но не учел один момент... В нашем конфликте, на моей стороне были все ученики лицея. Почти все. Имеется пара последователей и у него, пытающихся выслужиться перед сыночком фактического хозяина города. Тоже такие же нытики и доносчики, как и сам герцогский сын.

Обо всех пакостях, которые он пытался для меня приго-

товить, я узнаю раньше, чем он их доделает. Хе-хе... Странно было бы, если бы было иначе. Сложно что-то сделать тайно в переполненном подростками здании. Ага...

Все же отдам должное Эрику. Хотя меня он и пытался всячески достать и унижить, а то и просто, при первой возможности, если вдруг увидит или узнает о нарушении мною правил в лицее, тут же бежит докладывать преподавателям. То цеплять остальных учеников, в том числе и тех, кто не мог ему дать никакого отпора – перестал. Полностью сконцентрировавшись на противостоянии с моей скромной персоной.

А мне-то чего? Какое-никакое развлечение. Хотя и избить его желание никуда не пропало. Ага... Потому что на отчислении я вишу именно из-за доносов Эрика. А директор, само собой, сразу же дергает меня. По поводу и без...

Врать директору лицея, лучше не стоит. Он любую ложь за версту чует. Ведун, как-никак... Единственный маг на весь лицей. Впрочем, учитывая, что в Белецке и окрестностях с магами напряжено, не удивительно. У нас даже знахарского отделения в лицее нет. Хотя в остальных уездах, обязательно имеется. И вообще, в Приграничье, те, у кого имеется дар не задерживаются. В глубине государства и условия получше, и должность получишь гарантировано хлебную. А здесь что? Ничего... Вот если только лечить.

Но в больнице, насколько я знаю, лишь травницы да фельдшера и ни одного мага толкового. Так, ведунья вроде

есть.

– Видите, я же говорил, он трус. – С нотками превосходства в голосе, продолжает Эрик. Будто рисуясь перед кем-то. – Застыл столбом и пошевелится боится.

Ладно, посмотрю, кому он там сказки рассказывает. В общем-то, мне плевать на то, что он обзывается. Все знают, что все обстоит как раз наоборот. Я никогда не бегая от хорошей драки. Всегда обеими руками ЗА!

А вот Эрик, после полученных за оградой затрещин, в лицей приходит только с сопровождающими. Мордовороты я вам скажу... Один другого больше. Помнится, я хотел, еще разок провернуть трюк с якобы ограблением, но насилу ноги унес...

Ага... Подраться я люблю, но не с двумя шкафами. Еще ведь и не ожидал встретить их. Опытные бойцы... Сопровождали своего подопечного на расстоянии. Стоило мне только подбежать к Эрику и толкнуть, как тут же оказались рядом. Один даже приложится успел... Хорошо, что вскользь... Иначе на ногах устоять мне было не судьба... Потом еще с час гонялись за мной по всему городу. Насилу на рынке затеряться удалось.

С тех пор и прекратились мои рейды возмездия. Не то, чтобы боюсь. Просто реально оцениваю свои силы. С двумя взрослыми опытными воинами мне не справится в ближайшей схватке. Если только перестрелять из арбалета. Но не настолько уж моя неприязнь к Эрику велика, чтобы из-за нее

убивать невинных людей.

А теперь...

Резко поворачиваюсь и делаю шаг в сторону Эрика, стоящего метрах в трех дальше по коридору, делая самую злобную рожу, на которую только способен.

– Бу! – короткий звук, вылетевший одновременно с поворотом из моего горла, заставляет Эрика дернуться и слегка побледнеть.

Ха-ха! Вот теперь сразу видно, кто из нас трус.

Ух ты, а это что за красавица рядом с ним? Волнистые волосы, сбегающие на плечи, обрамляют овальное личико, на которых сверкают огромные синие глаза. Аж дыхание сперло, и сердце бухает, будто сбежать готово... Стою, никак не могу оторвать взгляда от девушки, рядом с моим заклятым врагом.

Губки алые, зубки перламутровые. На вид лет шестнадцать. Фигурка затянутая в приталенное платье до пола, только подчеркивает идеальные формы... Что она забыла рядом с этим мелким прыщем?

Ну да, Эрика красавцем назвать сложно. Невысокий, толстый, будто все время голодает. С острыми чертами лица, делающими его похожим на натуральную крысу и вечно бегающими глазами. Будто вот прямо сейчас он хочет что-то у тебя украсть. А рядом с девушкой и вовсе, совсем неприглядно смотрится. Особенно в своей лицейской форме, на которой пуговицы сделаны из настоящего золота и бриллиантов.

Дорого, но безвкусно.

Черт... Облизываю враз пересохшие губы, теряя рассудок. Мой взгляд встречается со взглядом этой девушки и будто ушат холодной воды опрокидывают на голову. Холод и брезгливое высокомерие, это все что есть в синих омутах «зеркал души». Это она на меня смотрит, будто на червя, который вылез из навозной кучи и оказался на ее пути...

Тьфу... Все очарование враз слетает. Нет, она по-прежнему красива, но... Да даже Эрик не так противен, как эта красотка. Будто в помойном ведре искупался... И на кой ляд я решил прочесть ее эмоции?

Я не говорил, да? Я эмпат... Умею слышать эмоции других людей. И чувства. Нет, мысли, конечно, не читаю... Но вот негатив какой направленный в мою сторону, чувствую сразу. Отец говорит, это врожденное. И еще, если кто-то узнает, что я эмпат, меня сожгут на костре...

Когда отец понял, что у меня есть такой дар, он долго о чем-то думал, а потом строго-настрого запретил пользоваться своими способностями и вообще, хоть как-то обозначать, что они у меня есть... И слово взял. Не знаю почему, но в Великом княжестве, эмпатов истребляют, едва выявив. До причин докопаться я пока не смог, потому что, едва стоит попытаться завести разговор с кем-нибудь из взрослых, как те тут же меняют тему и отказываются отвечать...

– Так это и есть тот самый деревенщина, который тебя достает, братик? – В голосе девушки столько презрения, что

мне захотелось исчезнуть отсюда как можно быстрее. Желательно, провалиться под землю. — Фи, ничего особенного... — Поморщившись, и этак брезгливо подернув плечиком, девушка без зазрения стала меня разглядывать. — Выглядит, как оборванец какой-то...

Ха, тоже мне, богачка. И ничего я не оборванец. У меня, между прочим, лицейская форма, пошитая у лучшего мастера уезда, на заказ из тонкого сукна, которое привезли с Бриттских островов. Отец, помнится, немалую сумму золотом отдал за мой костюм. Остальные-то, и вовсе довольствуются формой, которая продается в лавке готовой одежды при лицее.

— В общем, да, Лили... — А Эрик-то как-то неуверенно ей отвечает, постоянно отводя взгляд от моей персоны.

Хе... Понятное дело. Это в спину он может болтать что угодно, а в лицо — кишка тонка.

— Эй, мальчик, подойди-ка поближе. — Лили, теперь я знаю, как зовут эту пигалицу, вытянув перед собой руку, затянутую в лайковую перчатку, манит меня указательным пальцем, на котором сверкает перстень с огромным рубином.

Глава 2

– Бегу, бегу. Только валенки зашнурую. – Состроив презрительную гримасу на своем лице, демонстративно отворачиваюсь, и уже собираюсь двигать дальше по своим делам.

Повалиться на кровати, почитать учебник... Экзамен по арифметике я сдал, но у меня еще один скоро, так что не лишним будет заглянуть в книгу, освежить память. Хоть и не самый сложный предмет, на мой взгляд, остается сдать. Медицинскую подготовку, но все же...

Да-да... Нас и этому учат. Лекарем, конечно, вряд кто из учеников станет, но основы знать должен каждый лицеист. Да и вообще, каждый дворянин. Хоть женского, хоть мужского пола. Причем, женского в особенности.

По действующему закону о всеобщей мобилизации, в случае полномасштабной конфронтации, все дворяне в обязательном порядке должны поступать на действительную военную службу. За исключением детей, в возрасте от нуля до четырнадцати лет... Ну и тех, кто уже по состоянию здоровья не имеет сил нести службу.

Да-да... В случае, если вдруг начнется война, то мне предстоит пополнить ряды доблестной княжеской дружины. В принципе, здесь, в Приграничье, каждый дворянин состоит в резерве, на случай, если кочевники, вдруг решатся прошу-пать наши земли, на предмет пограбить...

– Эй, мальчик, ты, что не понял? – В голосе мадмуазельки, и франкское наречие мы тоже учим, явственно начинается проступать гнев. – Я сказала, подойди ко мне! – А ничего, так. Командный голос у нее отлично поставлен. Аж завидно стало.

Вот только, меня таким пронять невозможно. Плевать я хотел на все ее команды. Хотя... Полюбоваться бы еще разок, на ее выдающиеся достоинства, размера третьего, хе-хе, не откажусь еще разок. Правда не сейчас, после как-нибудь.

Сейчас уже мне, как говорят взрослые солидные дяди, это «невместно». Уже отвернулся и закусил удила. Отыгрывать назад, не в моих правилах... Теперь только полное игнорирование, будто и не стоят за моей спиной Эрик и эта фифа напмаженная. Блин, соблазнительные обводы тела этой Лили, никак не хотят покидать мои мысли... Надо же, как запала...

– Эрик! Верни его! – Красотка, видя, что я никак не реагирую на ее команды, переключилась на брата.

Хе-хе... Интересно будет посмотреть, как Эрик будет меня возвращать... Оч-чен-но интересно... Ухмыляясь себе под нос, чуть замедляю шаг, чтобы в случае чего, ему бежать далеко не пришлось... Но все равно оборачиваться и останавливаться даже не подумаю. Ишь, чего захотела... Я, и побегу, если пальчиком поманить, да прикрикнуть.

– Лили, да брось ты... – А голосок то у Эрика заискивающий. Похоже свою сестру он побаивается. – Что взять с ба-

старда, рожденного гулящей девкой. — Явно повторяя чужие слова, приводит аргумент он, пытаясь избежать почетной, но травмоопасной миссии, вернуть меня. — Если бы у выжившего из ума князя не погибла вся семья, этот простолюдин до сих пор бы жил со своей мамочкой, прислуживая ее клиентам.

А ведь я почти ушел... Ну, кто тебя тянет за язык-то, сын осла...

К горлу подступает комок, а я резко останавливаюсь. То, что, Эрик постоянно обзывает меня приемышем, стерпеть еще можно. По официальной версии, отец усыновил сироту из бедной дворянской семьи, в пять лет оставшегося без родителей.

По неофициальной, то есть если верить сплетням, я незаконнорожденный родной ребенок князя, до пяти лет росший с матерью, родом из нетитулованных дворян, живущей в столице. Как раз, после поездки в столицу, отец и привез меня в родовое поместье, потому что законный наследник погиб.

Но, никто и никогда не видел мою маму в лицо... Для меня, она всегда останется смутными воспоминаниями из раннего детства... Которые я нежно храню в своем сердце. Мягкие руки, укачивающие меня и тихая колыбельная...

Еще помню, как гуляли с мамой и папой, родными, по парку, а за кованной оградой, по серой полосе утрамбованной земли, громко гудя, едут странные повозки, почти полностью сделанные из металла. Навроде тех самоходов, что

не так давно появились в Белецке... Но, более, прилизанные что ли...

Солнце, карусели... Я бегал по парку и ел вкусное, ледяное лакомство... Мороженое. Точно! Я вспомнил, как называется это лакомство... Мороженное. Белое, с торчащей с одной стороны деревянной палочкой, чтобы не испачкать руки...

Остальные воспоминания, смутные. Какие-то непонятные образы. Высокие башни – многоэтажные дома. В одном из таких мы и жили всей семьей. Еще, помню, была такая коробочка. Плоская и высокая, и в ней показывали разные картинки, постоянно меняющиеся...

Вроде, я даже знал, как все это называется, но сейчас никак не получается вспомнить. Пытался, и не раз. Да и отец тоже пытался расспросить, но... Как будто барьер какой. Только несколько четких картинок из детства, и... Страх... жуткий, невыносимый... И холод...

Я иду по дороге. Один. В легкой курточке, сжимая в руках плюшевого медведя. Мне надо найти маму, или папу. Но я не знаю где они... Кажется, что где-то рядом... Ведь мы только что были все вместе, и вот я уже один...

Холодно. Хочу кушать и пить. Но сильнее всего хочу оказаться вместе с родителями. Папа, такой сильный и мужественный, защитит меня от всего, а мама так нежно прижмет к своей теплой мягкой груди. Главное, найти их, в этом незнакомом лесу...

В какой-то момент, силы покинули меня, и я лег, прямо на снег, сжимая в руках игрушку, как единственную нить, связывающую меня с домом...

Как и почему, я оказался на той лесной дороге один? Кто мои родители? Где они живут? Ни на один из этих вопросов, ответа не знаю. И никто не знает... Отец, да, именно отец, я никогда не называл князя папой, только отец, да и он сам не настаивал. Отец спас мне жизнь. Сейчас я это начинаю осознавать очень четко. Жесткий и властный человек, он, как мог, старался заменить мне родителей... И маму, и папу, и бабушку с дедушкой.

Да и выяснением, откуда я такой «красивый», появился в Приграничье, занимался и занимается до сих пор. Даже несмотря на то, что официально усыновил меня...

Правда, последнее время, наши отношения немного охладели. Я уже взрослый, а он все пытается меня опекать и учить, как правильно жить. Меня не надо учить, я уже сам все могу. Как-никак, пятнадцать годков уже... Летом, закончу лицей и все, совершеннолетним стану. Всего ничего, осталось-то... И после этого, сразу же уеду из этого захолустья, куда-нибудь в столицу. Меня ждет большой мир, полный ярких впечатлений и новых открытий.

Отец, как раз и против того, чтобы я уезжал. Он хочет, чтобы я продолжил его дело, и занялся делами Рода. Ха-ха... У нас весь Род, два человека – я, да отец. Какие могут быть дела?

Но не только это тянет меня отправиться в путь... Я хочу найти свой дом и настоящих родителей. Маму... Уверен, что смогу это сделать.

И вот сейчас, какой-то недоносок, говорит про нее... смеет открывать свой поганый рот в адрес той, о ком даже не имеет понятия.

Два шага... Скорее даже прыжка, хватает мне, чтобы сократить дистанцию с гаденько улыбающимся Эриком. Бью сразу, не вдаваясь разговору и формальное предупреждение. Вложив всю свою злость и ненависть в один удар.

По комплекции, мы с ним не сильно отличаемся. Я лишь немного повыше и потяжелее. Ну, и, в отличие от Эрика, довольно много своего личного времени провожу в гимнастическом зале. Поэтому сильнее. Двухпудовую гирию десятков раз поднимаю без особого труда, хоть и тощий.

Учитель по гимнастике, говорит, что жилистый. В любом случае, Эрику хватает одного удара, чтобы потерять равновесие...

Но мне этого мало. Полностью теряю контроль над собой, и тут же добавляю, но уже подпрыгнув, коленом во впалую грудь, прикрытую свободного покроя курткой.

Он, похоже, даже не успевает понять, что происходит, как оказывается лежащим на натертом до блеска ламинированном полу, прижатый сверху моим телом. Только взгляд удивленный и растерянный...

А я... Я бью. С обеих рук, поочередно, будто механиче-

ский молот. И ненавистные черты лица под этими ударами сминаются, превращаясь в кровавое месиво. Над ухом кто-то истошно кричит, и на мою спину сыпется град ударов мелкими кулачками. Не глядя отмахиваюсь. Попадаю во что-то мягкое, не особо понимая, что творю... Короткий вскрик...

В следующий миг будто клещами, чья-то грубая и сильная рука, сжимает мое плечо, отрывая мое тело от земли и оттаскивая в сторону.

Пытаюсь вырваться, но лишь становится хуже. Ко всему прочему, этот кто-то начинает тянуть меня в сторону, стаскивая с поверженного тела врага. Удар наотмашь, без особых шансов на успех, и, кажется, под чужой рукой начинаю ломаться уже мои кости...

– Марк, немедленно прекрати! – Раздавшийся над ухом строгий окрик Павла Егоровича, окончательно приводит меня в адекватное состояние. Перестаю вырваться, и замираю по стойке смирно. – Что это вы тут устроили? – Голос преподавателя арифметики звенит от злости, требуя немедленного ответа. Да и руку с моего плеча он никуда не убирает.

Ну и хватка, надо сказать у учителя. Впору подковы одной рукой ломать, а не мелом писать по вощенной доске... накатившая обида на весь мир, которая и послужила причиной моей агрессии, медленно, но верно отступает, под давлением обстоятельств, в виде руки Пал Егорыча, чуть ли не ломающей мне плечо, и до меня наконец начинает доходить вся тяжесть произошедшего...

Мда... Похоже, мне конец... Хочется выразиться покрепче, но воспитание не позволяет... Хотя, чего уж про воспитание... Слово, которое я дал отцу – нарушено.

Коридор, до этого пустой, сейчас напоминает базарную площадь в выходной день. Похоже, тут уже весь лицей собрался. В смысле, ученики лицея. А вот из учителей, только Пал Егорыч...

Собственно, не удивительно. Драку, точнее избиение, устроил я прямо у дверей его аудитории... Разумно, что именно он первым и появился на шум.

Эрик лежит на полу без движений. Рядом с его головой уже натекла приличная лужа крови. Черт... Неужели я его того... По телу пробегает дрожь, когда до меня доходит, что, возможно, я убил своего недруга... Но... Как же так? Я же не хотел?

Смотреть дальше, желание отпадает. Ссутулив плечи, опускаю голову, чтобы не видеть того, что натворил в порыве злости и не слышать осуждающий шепоток в рядах учеников, обсуждающих происшествие...

Краем глаза замечаю Лили... Она сидит на корточках, прислонившись к стене спиной и зажимая рукой живот... На щеках слезы... Чуть всхлипывая, девушка вздрагивает всем телом, пытаясь вздохнуть полной грудью, но у нее это плохо получается... Просто открывает рот, глотая воздух...

Теперь понятно, кто это был, такой мягкий, пытавшийся пробить мою спину... Лили... Это она, не раздумывая бро-

силась на защиту брата. За что и поплатилась, нарвавшись на мой удар... Но я же не хотел... Черт... Черт... Черт...

Я пытаюсь найти взглядом ее глаза, но отводит в сторону все время. все равно, успеваю заметить, что выражения ее глаз изменилось. Куда только подевалось высокомерие и пренебрежение по отношению к моей персоне. Ни осталось и следа... Только страх...

Она меня боится... Я чувствую это... Ну, почему так-то... Никогда в жизни не трогал девчонок, а тут... Да еще и такую красотку, хоть и высокомерную... Что ж у меня все не как у людей то?

Вот тебе и наследник княжеского рода... За один раз, два поступка, прямо нарушающих кодекс чести. Нарушил слово дворянина и ударил девушку дворянского достоинства. Так себе из меня дворянин... Одним словом, приемыш...

– Успокоился? – Почувствовав, что я уже не рвусь продолжать драку, Пал Егорыч ослабил хватку.

Желания отвечать у меня нет. Лишь утвердительно киваю головой. Хочется провалиться сквозь землю, чтобы не видеть, как в глазах учеников, меняется отношение ко мне. Еще недавно весельчак и душа компания, за которого болели в противостоянии с злобным Эриком... Сейчас я медленно, но верно, становлюсь психом, с которым лучше и не водится вовсе.

Да и, плевать... Все равно меня отчислят... Уж за избиение герцогского сыночка, гарантированно. Упрямо сжимаю

губы и поднимаю голову, окидывая взглядом сбившихся в кучу учеников. На лице кривая улыбка. Да, я совершил проступок. Но! Никто не смеет говорить плохо о моей маме! Никто...

Похоже, что-то такое промелькнуло в моих глазах, потому что пара человек с младших курсов, поймав на себе мой взгляд, резко притихли и постарались протолкнуться подальше от меня.

– Зайди в кабинет и жди меня там. – учитель окончательно отпускает мое плечо и делает шаг в сторону. – Понял? – Киваю в ответ. – И... Давай без глупостей, Марк. – Под конец в голосе Пал Егорыча проскальзывают нотки сочувствия. С чего бы, вдруг...

Пал Егорыч ко всем ученикам относится ровно. Для него мы все одинаковые. Очередные дети, которых ему нужно наставить на путь истинный и научить считать. Он не сказать, что строгий. Скорее требовательный. Мог и наказать, и похвалить. Но, всегда делал это абсолютно без эмоционально. Уж я-то на раз такое могу почувствовать.

Потому и удивлен сочувствию в эмоциях преподавателя. Кто-кто, но я точно никогда не ходил у него в любимчиках. Да и не старался, в общем-то...

– Давай, давай. Иди в кабинет и жди меня там. – Пал Егорыч подталкивает несильно подталкивает меня в спину по направлению к кабинету, в котором я, вот совсем недавно, сдавал ему экзамен.

А ведь так все хорошо начиналось. И вот... вот... На тебе...

Стараясь не смотреть на дело рук своих, тяжелым медленным шагом бреду к двери. Ученики, будто чувствуя мое состояние, тут же расступаются, освобождая проход. Ухватившись за медную, начищенную до блеска, холодную ручку, на пару мгновений замираю, будто боясь войти внутрь пустой аудитории...

– Так. Ты и ты. – Сзади раздается, ставший привычно холодным и отстраненным, голос Пал Егорыча. – давайте бегом за Елизаветой Дмитриевной. Чтоб прям мухой. – Кого-то посылает за лицейской лекаркой, по совместительству учительницей по медицине. – А остальные, марш по кабинетам, чтоб через секунду, я здесь никого не видел. Ничего интересного тут нету. – Подпустив в голос строгости, Пал Егорыч скомандовал ученикам расходиться. – Что стоим? Расходимся? – Похоже, лицеисты, для которых произошедшее в коридоре, является неординарным событием, не торопятся слушать преподавателя.

Закрывшаяся за моей спиной дверь, отсекает все звуки, оставляя меня наедине с пустой аудиторией и самим собой. Какое-то время стою у порога, оглядывая большое, рассчитанное на пару десятков человек помещение.

Пусто... Ровные ряды парт, на которых валяются листы серой писчей бумаги, оставленные торопившимися увидеть избиение учениками. Справа учительский стол, на котором

ровными рядками лежат экзаменационные билеты. Доска на стене.

Похоже, кто-то, как раз начал отвечать. Потому что на доске записано квадратное уравнение. И начало решения... Мда, сорвал экзамен...

Не торопясь подхожу к высокому, но узкому окну и, отщелкнув запор, раскрываю его настежь... Ворвавшийся холодный и колючий, зимний ветер пробегая по кабинету, раскидал по полу чистые и исписанные аккуратным почерком листы бумаги...

Все равно... мне просто, все равно...

За окном, как раз под мое настроение, серые тяжелые тучи затянули все небо, предвещая снегопад. Хотя с утра небо было прозрачно-синим...

Стою, вдыхая полной грудью холодный воздух и ни о чем не думая. Что толку... Я хоть и молод, но понимаю, что время нельзя отмотать в обратную сторону. Отвечать все равно придется...

Да и ладно... Из лица меня однозначно выпрут. Даже отца вызывать не станут. Вручать справку о том, что я тут учился и отправят домой. Жаль, ведь всего ничего осталось... Каких-то полгода...

И на тебе... Что теперь делать, непонятно. К отцу, в поместье? Нет, он не выгонит, конечно. И, может, даже не осудит. Вот только, как я сам буду смотреть ему в глаза. Он же просил, а я дал слово. И не сдержал.

Понятно, что Эрик меня провоцировал, но... Это лишь моя вина, что я избил его при свидетелях и прямо в коридоре. Надо было уйти, а после подловить на улице. И охрана... Да, ерунда.

Нанять пару человек на рынке, из простолюдинов и всё. И Лили бы не досталось... Пожалуй, во всей этой ситуации, самое неприятное, что ударил девушку. Как ни крути, а запала она мне в душу...

Только вспомню ее алые губы, как все проблемы кажутся не такими и серьезными...

Не знаю, до чего бы я додумался, но от размышлений меня отвлек стук закрывшейся двери. Кто-то вошел в аудиторию...

Глава 3

– Смотри, замерзнешь, заболеешь. – Голос Пал Егорыча, раздавшийся за спиной звучит спокойно и слегка отрешенно. Будто о чем-то думает...

Попробовать прочесть его эмоции, или лучше не стоит? Одно дело, проворачивать такой фокус с учениками, не особо разбирающимися во всех этих тонких материях, а другое с опытным учителем...

Нет, все же не стоит. У меня и так сегодня проблема нарисовалась, никакой ластик не сотрет. Лучше не усугублять... Чего-чего, а думать меня с самого детства учил. Самому думать и оценивать ситуацию. Постоянно, прежде, чем что-то сделать, просчитываю возможные риски и последствия...

Ну, почти всегда... За окном, то медленно планируя, то закручиваясь в подобие ледяных смерчей от порывов ветра, сыпет с неба снег, укрывая воздушным покрывалом лицейский двор... Красиво. Сейчас бы краски и холст. Нарисовать картину.

Полной грудью вдохнув обжигающий холодный воздух, закрываю окно. Стой, не стой, а нравоучительной беседы мне не избежать... Только почему в кабинет зашел Павел Егорович, а не директор или завуч, непонятно. Обычно, любой учитель, стоило мне вытворить какую проказу, сразу отправлял меня к господину Миниху.

Наш директор, Герхард Христофорович, приходится дальним родственником знаменитому воеводе Миниху Христофору Антоновичу, во главе объединенного войска русско-латинского войска, разбившего на голову османов, решивших подмять себя Таманское княжество, пользуясь тем, что наследник княжества неожиданно скончался, не дожив до совершеннолетия.

Несмотря на дальнейшее, можно сказать, номинальное родство, Герхард Христофорович старается во всем подражать своему знаменитому сродственнику. Хотя... Если сравнивать с портретами воеводы в учебнике, то сходства и вовсе нет. Воевода, крепкий, с волевым взглядом, и, будто вырубленным из камня лицом, покрытом мелкими шрамами и... Директор. Слегка полноватый, ростом всего на полголовы ниже меня, вечно куда-то спешащий...

Пожалуй, единственное, что у директора было общего с воеводой, это тяга к порядку. В учебниках пишут, что Христофор Антонович славился тем, что большинство боев выиграл за счет четкого планирования и железной дисциплины.

Вот и господин директор требовал от всех своих подопечных, как учителей, так и учеников, неукоснительного выполнения правил, записанных в «Уставе лицеиста» и... Не знаю, у учителей может свой какой устав есть. Но, в любом случае, в присутствии директора, хоть преподаватели, хоть учителя, разом становятся серьезными и сосредоточенными, начиная

чуть ли не шагистикой заниматься...

В общем, учитывая наш вялотекущий, до сегодняшнего дня, конфликт с Эриком, директора я видел частенько... И слушал тоже. О, да! Эти часовые лекции, о том, как должно себя вести наследнику княжеского рода и, вообще, дворянину... Кажется, к моему выпуску, я назубок буду знать все что можно и нельзя делать дворянину.

Но самое поразительное свойство у директора было другое... Он всегда оказывался на месте происшествия раньше всех. Будто глаза по всему лицу расставил и высматривал. Поэтому я и удивлен, что в аудиторию зашел Пал Егорыч, а не Герхард Христофорович.

– Не стой столбом. Присаживайся. – Увидев, что я обернулся в его сторону, Пал Егорыч, успевший занять свое место за учительским столом рукой показывает на парту, стоящую перед ним.

Немного замаявшись, все же быстро выполняю указание учителя. Сиденье, и так не отличающееся мягкостью, сейчас и вовсе, будто гвоздями утыкано. Вроде и не страшно, но... Груз содеянного, давит. Нет, то, что я избил Эрика, ерунда. Он, по-честному, заслужил. А вот нарушенное слово, данное отцу и угроза отчисления, изрядно заставляет нервничать.

Еще и непривычно, что вместо директора, напротив меня сидит, с невозмутимым выражением на лице Пал Егорыч... Будь здесь директор, было бы привычней...

Павел Егорович... Если честно, ему роль директора ли-

цея, в котором учится довольно разношерстный народ, подходит больше, чем господину Миниху. Всегда спокойный. Строгий и требовательный. Но, только в том, что касается его занятий. Может и нагоняй прописать и похвалить, последнее в моем случае редкость. Опять же, хоть и устраивал разнос, но всегда по делу и... Не бежал докладывать директору, в случае малейшего происшествия.

Порой создается впечатление, что ему в принципе не интересно, что за стенами этой аудитории, есть еще что-то. Когда живешь на территории лицея, со временем замечаешь, кто из учителей, как относится к своему пребыванию на работе.

Кто-то вечно задерживается к началу лекций, кто-то заканчивает раньше, куда-то торопясь. Есть учителя, которые не спешат покидать учебное заведение, даже если занятия давно окончены. Кто-то любит постоять в коридоре поболтать с коллегами.

Пал Егорыч не относится ни к одной из этих категорий. Всегда пунктуальный, он заходит в аудиторию с началом первого урока и уходит, когда заканчивается последний. Ни раньше, ни позже.

Ровно через пять минут после окончания уроков, Пал Егорыч выходит через ворота лицея с кожаным портфелем в руках. И..., Пожалуй, это все, что можно о нем сказать.

Кое-как устроившись за партой, опускаю взгляд в стол, не зная, чего ждать и куда деть руки. Внезапно они стали ме-

шать. Не придумав ничего лучше, просто цепляю их в замок и кладу перед собой. Только сейчас обращаю внимание на то, что мои руки перепачканы кровью, а на костяшках сорвана кожа...

Надо же, не чувствую боли, хотя должно жечь... И едва успеваю подумать, как руки будто в кипящую воду окунаются... Кажется, выбил сустав на правой руке... Мизинец плохо слушается...

– Говори. – Голос Пал Егорыча отвлекает от размышлений о собственных травмах.

Тон спокойный, даже можно сказать, равнодушный... Такое чувство, что ему не очень-то интересно, что именно я скажу. Да и... Что говорить-то...

Поднимаю взгляд на учителя. Сидит, молча смотреть на меня холодным взглядом серо-стальных глаз. Никогда не обращал внимания на то, какого цвета глаза у учителей... Бр-р-р...

Вроде выражение лица обычное, но от одного взгляда, меня пробирает так, что мурашки по спине пробегают. Да уж... Когда разнос от директора получаю, как-то проще.

– Марк... Я слушаю. – Пал Егорыч моргнул, и тут же его тяжелый взгляд, который буквально просвечивает насквозь, меняется на обычный. Спокойный и уверенный.

Давление, которое я испытывал, исчезает, будто наваждение. Повисает паузу. Павел Егорович ждет, а я не знаю, что он хочет от меня услышать. Никаких уточняющих вопросов

мне не задается.

Секунды утекают, а я все никак не могу понять, с чего бы начать. Хотя... Пожалуй, начну с того, что меня сейчас беспокоит сильнее всего. Даже сильнее, чем отчисление из лицея и предстоящее объяснение с отцом.

– Павел Егорович... – Пытаюсь сформулировать вопрос правильно. Хотя, вроде надо самому рассказывать, но сейчас мне нужно спросить. Это важно. – Эрик... – облизываю внезапно пересохшие губы. – Что с ним? Я его... – выдавить из себя слово «убил», не получается, поэтому фраза так и повисает в воздухе неоконченной.

– Эрик... – Пал Егорыч, как-то этак печально вздыхает. – Эрик плохо... Но жить будет. Так что, Марк, убийцей ты не стал. – Тень улыбки пробегает по лицу учителя, но тут же растворяется без следа. – Ты же это хотел узнать?

Я лишь киваю в ответ... С души будто гора свалилась. Эрик мразь, каких поискать, но все же... Все же, недостаточно чтобы заслужить смерть... Да и отвечать за его смерть, тоже, как-то не особо хочется... Сейчас, когда я знаю, что он живой, в голову начинают лезть разные мысли о том, что, в общем-то, помимо отчисления из лицея, меня могут ожидать и другие проблемы...

Что-что, а репутация у герцога, отца Эрика, не самая радужная. И в то, что он никак неотреагирует на избиение сына, вот совсем не верится... Чувствую, веселье только начинается...

Черт, я же еще и пигалицу эту ударил... Сестру Эрика. Блин, и ведь не объяснишь, что не специально это сделал.

– Что, осознал всю тяжесть проблем, которые возникнут у тебя из-за этой драки? – Пал Егорыч, будто мысли мои читает.

А что ему ответить тут. Да и, похоже, что вопрос риторический.

Встав из-за стола, он обходит его и останавливается прямо напротив меня, задумчиво разглядывая.

– Марк, ну и зачем тебе это надо было? – Пал Егорыч, выдержав паузу, начинает говорить. – Понятно, что вы с сыном герцога не ладите. Но ведь до этого же как-то обходились без драк. – Надо же, он и про мои отношения с Эриком в курсе. Хотя, про наш конфликт знает весь лицей, поэтому неудивительно. – Что на тебя нашло?

Судя по мелькнувшему в эмоциях раздражению, сейчас мне все же лучше ответить. Вот только... Что ответить? А, как есть, так и скажу. Хуже уже не будет...

– Он оскорбил мою маму. – Хотел сказать четко, но голос подводит и последнее слово произношу едва слышно, пытаюсь сглотнуть подступивший к горлу ком.

– Маму? – Пал Егорыч нахмурил брови. – Но у тебя же нет матери? Только отец.

– У меня есть мама. – Упрямо уставился в его глаза. В груди снова начинает подниматься злость. – Она просто далеко. То, что я без понятия, где именно моя мама и родной отец,

упоминать не стал. Ни к чему это. И вообще, не тема для обсуждения.

– Понятно. – Пал Егорыч, отвел взгляд первым и начал медленно прохаживаться мимо меня.

Какое-то время, он просто прохаживался, заложив руки за спину, и кажется, совсем забыл о моем существовании. Лишь сосредоточенный взгляд, направленный в одну точку, говорит о том, что учитель о чем-то усиленно размышляет. А я... Я вновь погружаюсь в себя, обдумывая со всех сторон произошедшее.

А плевать... Раз уж так получилось. Отчислят, значит, буду пахать на пасеке. Отец – вот, опять же, тоже образования лицейского не получил. И вообще, неизвестно, учился он где или нет...

С драки, мысли перетекают на приемного отца. Вроде, десять лет уже с ним проживаю, а так подумать... Я ведь ничего о нем не знаю. Ну, так... Что он отставной офицер. Полковник. Что раньше у него был родной сын, который погиб незадолго до того, как меня подобрали на той зимней дороге.

Что еще? Хм... Раньше отец был богат. Это я знаю. Но потом сгорела пасека, почти полностью, и с финансами у семьи начались проблемы. Видел я те пожарища недалеко от поместья.

Сейчас у нас и десятой части от тех пасек не имеется. Всего-то ульев двести. Но на жизнь хватает, чего уж жаловаться-то. Плюс, в лесу борти имеются, из которых мы, с отцом

и дядькой Акимом забираем мед диких пчел. Очень уж он ценится на рынке.

И... на этом все. Иногда отец уезжает в столицу Союза, по каким-то делам. Но меня с собой никогда не берет. Самое дальнее, где я был, это губернская столица. Но там мне не нравится. Шумно и людей много. То ли дело здесь...

Единственное, что меня тревожит в варианте с возвращением домой, это как отнесется отец к нарушению мною данного слова... Может ведь и вовсе из дома выставить. Или не может?

Кто я ему... Чужая кровь. Приемный... Хотя отец никогда, ни словом, ни делом не давал понять мне, что я ему чужой, и, вообще, старался уделять внимание... Но я-то помню...

От мысли, что могу лишиться семьи, пусть и приемной, но все же, на душе заскребли кошки и такая тоска накатила, что хоть волком вой...

– Значит, так, Марк. – Из тяжелых мыслей меня вырывает голос Пал Егорыча, прекратившего ходить по кабинету и вернувшегося за свой стол. – Поступим следующим образом. А, черт... – из рук учителя выпадает ручка, и он прерывается, ныряя под стол, чтобы ее поднять.

– Так вот. – вынырнув обратно, Пал Егорыч вытащил из ящика стола лист бумаги и что-то быстро написал, после чего протянул его мне, предварительно сложив в четыре раза, чтобы не видно было написанного. – Это передашь своему отцу.

Беру письмо в руки и тут же сую во внутренний карман куртки. Кажется, я начинаю понимать, к чему идет дело...

– Теперь... – Пал Егорыч снова задумывается. – Сейчас я выведу тебя из учебного корпуса. идешь в свою комнату, забираешь вещи и деньги и, как можно быстрее уезжаешь в поместье. К отцу. Понял?

– Но... – Непонятно, почему Пал Егорыч меня отправляет, если директор меня еще не отчислил. Да и экзамен к тому же. – Как же документы забрать и обходной лист подписать? – Процедуру отчисления я знаю, еще когда первый раз поставили на контроль изучил. – Да и учебника сдать в библиотеку... – Что-то я похоже не понимаю.

– Какие документы? – В голосе Пал Егорыча слышится недоумение. – Какие учебники?

– Ну, как же... Если меня отчисляют, то мне же...

– Стоп, никто тебя не отчисляет. – Пал Егорыч взмахом руки останавливает мою тираду.

– Но, господин директор... – Снова пытаюсь вставить слово.

– Что господин директор? – Теперь уже чувствую раздражение в тоне учитель.

– Он сказал, что, если я еще раз натворю что-нибудь, меня отчислят. – Сообщаю о том, что меня беспокоит. – а я... Да вы сами видели.

– Марк, у тебя сейчас проблемы, посерьезнее, чем какое-то отчисление. – Павел Егорович пристально посмотрел

на меня. – Ты при свидетелях сына герцога Думбельта избил. Причем не в честном поединке, а лежачего. Как холопа какого-то... Как думаешь, захочет герцог отомстить за нанесённую обиду и увечья сына?

В ответ лишь киваю. А что тут скажешь. Я и сам об этом уже думал...

– Сам же все понимаешь. Взрослый уже... – на лице Пал Егорыча мелькает ободряющая улыбка. – Поэтому, для тебя сейчас самое важное, это как можно быстрее оказаться под защитой отца. Не думаю, что герцог захочет конфликтовать с целым князем. Тебе главное убраться из лицея как можно быстрее. А с отчислением... Решим потом.

Вроде, все логично. Но с чего бы, Пал Егорычу, сейчас мне все это объяснять и, вообще, беспокоиться? Ни разу за все время моей учебы в лицее, он ни к кому не проявлял особого интереса. Если не считать того, что гонял по поводу учебы. А тут...

Что-то тут не так...

Громкий стук в дверь, заставляет меня вздрогнуть. Такое чувство, что это по мою душу...

– Черт... Не успели. – Пал Егорыч морщится, но не торопится открывать дверь.

То, что за ней не ученики и не директор, понятно и так. Ни первые, ни тем более второй стучать бы не стали. Да и фраза Пал Егорыча...

– Меняем план. – Павел Егорович быстро встает из-за сто-

ла и подходит к доске.

Что-то нажимает рядом с ней и... О, как!

Моему удивлению нет предела, потому что прямо в стене, рядом с доской на которой мы обычно пишем, открывается проход. Никогда бы не подумал...

– Марк, чего сидишь? – Стук в дверь становится все настойчивей и нетерпеливей. – Давай бегом сюда.

Командный рык Пал Егорыча заставляет меня подорваться с места и стрелой метнуться к нему.

– Этот ход выводит на задний двор. Знаешь, как оттуда выбраться? – Дождается моего подтверждающего кивка. – Так вот, сразу, как только выберешься, нанимай извозчика и в поместье. К отцу. Понял? – Снова киваю. – Я постараюсь задержать, конечно, людей герцога, но... – Он лишь тяжело вздыхает.

– Вы думаете, там, – выразительно смотрю на дверь кабинета, – они?

– Уверен. Все, давай. – Пал Егорыч подталкивает меня в спину.

Не удержав равновесие, делаю пару мелких шагов и оказываюсь в темном пыльном коридоре, шириной не больше метра. Ап-чхи!

Вызванный пылью чих, отдается в коридоре эхом. Уф... Аж слезы из глаз.

– Марк. – Оборачиваюсь на тихий голос учителя. – Удачи тебе и... Постарайся не попасться. – В голосе Пал Егорыча

слышится... Не знаю... То ли печаль, то ли что-то похожее на сочувствие...

Павел Егорович, на секунду задержав взгляд на мне, закрывает панель, отрезая путь в кабинет и оставляя наедине с пыльным темным коридором...

Не такого я ожидал, когда заходил в кабинет арифметики... Какие-то недомолвки и непонятки со стороны Пал Егорыча... Единственное, в чем я не сомневаюсь, это в том, что герцог попытается наказать меня за Эрика... Но не думаю, что он решится это делать на территории лица. Поэтому, не совсем понимаю, почему Пал Егорыч, настаивает на том, чтобы я ехал домой...

Пару минут стою, прислушиваясь и пытаюсь собраться с духом, чтобы пуститься в путь по темному, и пустому коридору в неизвестность... Тихо. Ни звука.

Тихо и темно. Как в склепе...

Отступление 1

Тонкая деревянная панель с тихим скрипом встала на место, закрывая тайный ход из кабинета. Пару секунд, Павел Егорович смотрел на ровную стену, будто стараясь увидеть, что там происходит.

Настойчивый стук во входную дверь, с каждым мгновением становится все сильнее, переходя уже в откровенные удары, способные выбить ее. Но дверь пока держалась.

Глубоко вздохнув, Павел Егорович, вместо того, чтобы пойти и впустить наконец настойчивых посетителей внутрь, подходит к своему рабочему столу и выдвигает самый нижний ящик. Переворотив бумаги, он достает небольшой деревянный пенал, без каких-либо украшательств на крышке.

Дверь трясется все сильнее, но держится. Хотя те, кто пытается ее выбить, очень старается. Судя по всему, используя вместо молотка для вызова хозяина, что-то вроде тарана.

Павел Егорович лишь усмехается на такие изощрения. Еще когда только он устроился в лицей преподавателем, постарался сделать из своего кабинета мини-крепость. Нет, в то, что дверь рано или поздно сломается, сомневаться не приходится. Но... Сейчас она дарит своему хозяину несколько минут жизни.

Не торопясь, будто и не грозит ему смертельная опасность, Павел Егорович открывает коробочку пенала и выни-

мает из нее душистую сигару. Привет из очень далекого прошлого... С родины, которую пришлось покинуть в спешке. Оставив семью, дом, друзей...

Не найдя поблизости канцелярский нож, учитель легким, привычным можно сказать, движением выпускает из рукава тонкий стилет, и отрезает кончик сигары. После чего, сует сигару в уголок рта и крепко зажимает ее зубами.

Из того же пенала появляется длинная толстая спичка. Быстрое движение серной головки по лакированному столу и на кончике тонкой палочки пляшет маленький огонек. Клубы терпкого ароматного дыма, слегка горьковатого на вкус, образуя подобие грозовых туч, медленно поплыли к потолку, играя сизыми переливами в свете ламп.

Аромат напомнил Павлу Егоровичу о родном Неаполе, где он провел детство, бегая по грязным припортовым улочкам. Сигары... Вечный спутник моряков, уходящих в дальнее плавание через Восточный океан к Карибскому архипелагу...

Табачный дым, вечный спутник портовых забегаловок, где любили собираться после рейсов просоленные океанской водой моряки, отдыхая и рассказывая байки о дальних странах и островах. Маленький Пабло, выросший в хибаре, что приютилась рядом с такими же к ограде порта, мечтал, что однажды, он будет вот так же сидеть, попивая крепленое вино или заморский ром, курить сигару и травить рассказы.

Не сложилось... Каким образом у сына поварихи из пор-

товой таверны, и неизвестного моряка, взяли способности эмпата, так и останется неразгаданной загадкой...

Павел Егорович, отмахнувшись от едкого дыма, не спеша подошел к окну, раскрыв его настежь. Погода мерзкая, то ли дело в его родном Неаполе... Сорок лет...

Много или это мало? Для того, кто должен был сгореть живьем на костре слугителей Единого, имевших огромное влияние в Латинской Империи, наверное, очень много...

Пабло попался на воровстве. Сдуру решил вытянуть кошелек у заезжего монаха, применив свой излюбленный прием по отводу глаз... Кто бы знал, что тот монах – магистр, да еще и одаренный маг-стихийник.

Пабло схватили и заключили в тюрьму, ждать неминуемой казни. Церковь Единого не особо заморачивалась доказательствами, поэтому, на кострах Очищения, как цинично назывались публичные казни, горели все, кто мог быть заподозрен в том, что он ментальный маг.

В то время, он еще не понимал, почему его так ненавидят и боятся все... Он же просто умел отводить взгляд. Такое мог провернуть любой маг стихийник, просто создав вокруг себя поле отражения или призвав элементаря. Хотя... Элементаря подчинить мог далеко не каждый... Минимум маг третьего-четвертого класса. Из десяти имеющихся.

Для ментальных магов, классов не существует. Точнее не так – ментального мага, независимо от класса, убьют, едва он проявится. Убьют, не считаясь ни с какими потерями...

Сам Павел Егорович давно не питает иллюзий по поводу собственных сил. Максимум восьмой класс. Не более... Но несмотря на то, что он весьма и весьма слабый менталист, от костра его это не спасло бы...

Повезло. Тогда ему повезло. То ли монахи слишком ослабились, то ли еще что. Но, ему удалось бежать во время перевозки из тюрьмы к месту казни... Долгие скитания по Латинской империи, постоянная угроза жизни и нищенское существование... В какой-то момент, у него на хвосте снова оказались ищейки Церкви Единого...

Что оставалось загнанному в ловушку менталисту? Только одно... Попытаться скрыться там, где его никто не будет искать и, даже в случае поимки, не выдаст обратно латинянам. На западе... В далекой варварской Руси... так он тогда считал...

Хотя сейчас, с высоты прожитых лет, Павел Егорович, мог совершенно авторитетно заявить, что по сравнению с родиной в Русском союзе, гораздо свободнее и цивилизованней. По крайней мере, никто не хватает на улице и не тащит на костер, основываясь только на подозрениях без четких доказательств.

Жалел ли Павел Егорович, что однажды решил покинуть родину и поселиться в землях, управляемых Великим Князем Ярославом Четырнадцатым? Нет. Он прожил достойную жизнь полную взлетов и падений.

Хотя, отношение к менталистам в Союзе, было ненамного

лучше, чем у латинян. Точно так же истребляли. Но, здесь о том, что Павел Егорович обладает способностями, знал всего один человек...

Глеб Георгиевич, под командованием которого Пабло Аппенинец, проходил службу, чтобы получить подданство Русского союза. Да-да... Оказалось, что западные варвары, не принимают к себе кого попало. И чтобы получить право на проживание, нужно отслужить в войсках не менее пяти лет. И лишь после этого, становишься полноправным подданным. Никак иначе.

Павел Егорович запахнул поплотнее полы пиджака, и снова втянул табачный дым, задержав его во рту. С неба сыпал снег... За спиной, рассыпалась в щепки дверь кабинета... Последние минуты жизни... А он просто смотрел, как падает снег...

Точно так же он падал в тот день, когда его отряд попал в засаду латинян. Стычки на границе союза и империи, дело обыденное. Порой перерастающие в масштабные боевые действия. Не то чтобы прям полноценная война, но все же...

Отряд русских, численностью в тридцать человек, в тот день патрулировал реку, обозначавшую границу между двумя державами... И наткнулся на понтонную переправу, по которой с территории Латинской Империи переправлялась группа военных. По первым прикидкам, человек двадцать...

Недолго думая, командир патруля отдал приказ атаковать. Это стало ошибкой... Среди латинян, оказалось сразу во-

семь магов... А в отряде Пабло, ни одного... Не считая его самого. Но к тому времени он уже научился скрывать свои способности и не использовать их при свидетелях.

Шанс... Тогда он использовал свой шанс на все сто процентов. Пабло в той схватке, превзошел самого себя... Ему удалось отбиваться от восьмерки почти час, пока на помощь зажатому на берегу патрулю, не пришла на помощь маневренная группа под командованием ротмистра Глеба Георгиевича Рифейского.

Когда под звуки взрывающихся фаерболов, маневренная группа ворвалась в гущу схватки, Пабло понял одно – он сумел пережить бой, но вряд ли переживет победу... Слишком много было свидетелей. Просто, в тот момент, иначе он поступить не мог...

Не мог бросить умирать своих товарищей. Хотя, имел такую возможность... Достаточно было отвести глаза противнику и сбежать... Не сбежал.

И сейчас не сбежит. Там, за едва держащейся дверью, два боевых мага. Павел Егорович выпустил кольца сизого дыма в сторону хмурого, плачущего ледяными снежинками неба и прикрыл глаза, потянувшись ментальным щупом к тем, кто пришел за ментальным магом...

Огневик и воздушник. Скорее всего, это охрана дочки герцога. Больше никто не мог так быстро добраться до лица. Охранник Эрика, Павел Егорович знал в лицо, и среди них магов не было точно.

Ну да, ставить приглядывать за подростком, пусть и наследником, двух боевых магов, это было бы расточительством. Все же, маги по определению могут быть только свободными и, следовательно, их труд нужно оплачивать... Чаше всего, золотом...

Каждый день платить за, в общем-то, рутинную работу магам, накладно даже для герцога. Определенно, охрана дочери... И на кой черт она приперлась сюда? Ну, не учиться же... Магичка...

Что эти двое боевых магов могут сделать против менталиста, пусть и седьмого класса? Ничего... По справедливости – ничего. Абсолютно. Умереть, не успев понять, что произошло... Но... Как назло, сегодня этим двоим несказанно повезло... Сегодня хороший день, чтобы умереть. Но не для них...

Герой... Только вместо наград и похвалы – застенки Секретной службы Гильдии магов. Но эти хотя бы не пытались... Пабло просто сидел в одиночной камере и ждал дня своей казни... Он смирился. Бежать больше было некуда. Там, дальше на западе, лишь кочевники. Возможно, у них можно найти убежище, но для этого необходимо пересечь всю страну. От восточного Дуная до Рифейских гор...

Русский союз, это вам не маленькая Европа... С плохим знанием языка, практически не зная местности, пересечь страну насквозь, имея на хвосте магических ищеек... Нет. Пабло устал бегать, он просто ждал... Когда в один прекрас-

ный день, тяжелый замок на двери его камеры откроется в последний раз и конвой отведет его на площадь, где огонь, под радостные завывания толпы очистит мир от еще одного человека, вся вина которого лишь в том, что он родился со способностями ментального мага...

Он дождался, когда камера откроется. Через месяц, после того памятного боя у переправы. Вот только, вместо конвоя на пороге стоял Глеб Георгиевич собственной персоной...

Порывом ветра в кабинет занесло снежинки. Одна из них, медленно спланировав приземляется на ладонь Павла Егоровича, чтобы через мгновение превратиться в капельку воды, завершив свою короткую жизнь. Прямо как человека, которого несет обстоятельствами, будто ураганом, туда, где его жизнь растает, так же, как снежинка... Оставив о себе лишь память.

Дверь в аудиторию рухнула, не выдержав двойного удара боевыми заклинаниями. Кажется, те, кто так стремился добраться до ментального мага, перестают церемониться... С их стороны, было полнейшим безумством вот так бросаться на менталиста с открытым забралом...

Будь другая ситуация, и два боевых мага, третьего класса, не меньше, если судить по тому, что заклинание огненного смерча, выжегшего защиту двери и водяного тарана, могли себе позволить только очень сильные одаренные...

Пабло Аппеннинец погиб при попытке к бегству, во время конвоирования к месту казни... А в Тьмутараканское

княжество, из далекой северной Колы, перебрался на постоянное место жительства нетитулованный дворянин, отставник, Павел Егорович Новгородцев... Глеб Георгиевич оценил действия бойца выше, чем те, кто проморгал начало войны с латинянами... Тот бой был первым, но не последним в разгоревшемся конфликте, длившемся больше двух лет...

Семьей Павел Егорович так и не обзавелся, опасаясь, что его возможные дети, повторят судьбу отца, унаследовав его дар. Не такой судьбы он мог бы пожелать своим наследникам. Или наследницам... История не терпит сослагательного наклонения...

Павел Егорович завел виноградники на теплом побережье Русского моря и просто жил... Наслаждаясь долгожданным покоем... Ровно до того момента, пока в его имение не прилетело письмо, от того, кто спас его от костра. Письмо с просьбой о помощи... Отказать Глебу Георгиевичу, менталист не смог. Да и не хотел...

В письме о причинах, по которым целый князь, к тому же имеющий место в Совете клана, возглавляемого правящей в Союзе династией, ничего не говорилось...

А когда Павел Егорович прибыл в Белецк, то был ошарашен известием, что приемный сын князя, которого тот подобрал на лесной дороге – ментальный маг. Причем в силу возраста, класс мальчика определить было невозможно...

Был разработан целый план на десятилетия вперед, как не допустить распространения информации о том, что Марк,

наследник Рода Рифейских, ментальный маг... Глеб Георгиевич, потерявший жену и сына, прикипел к мальцу всей душой, поэтому на нарушение законов союза пошел вполне осознанно и не колеблясь...

Было решено, что начальное образование парень получит дома, во избежание ненужных контактов с теми, кто мог его вычислить. Ну а потом, когда Марк сможет понять, что свои способности нужно скрывать, поступит в Белецкий лицей.

Павел Егорович, чтобы его никак не могли связать с князем, после того, как все планы были не раз оговорены, отправился на три года в Радославь, где экстерном закончил Педагогическое училище и, получив, диплом, вернулся в Белецк. В лицее появился новый учитель арифметики, а у Марка еще один защитник...

Сколько раз за три с половиной года обучения пришлось прикрывать парня, не перечесать... Павел Егорович, выводя сегодня оценку за экзамен, даже подумал, что все закончится благополучно. Уж полгода-то... До выпуска...

После того, как Марк получил бы диплом, Павел Егорович, по договоренности с Глебом Георгиевичем, должен был уволиться со службы и заняться подготовкой парня лично. В том числе и в магии.

А там... Номинально, Марк имел права на престол Великого Княжества Московского и Русского и как следствие, всего Русского союза. Правда в очереди он был далеко не первым. Даже не в первой сотне. Но... Чем дьявол не шу-

тит, когда бог спит... Возможно в будущем, у менталистов бы появился шанс, что хоть в одной стране огромного мира, они перестанут быть изгоями...

Не срослось...

Когда Павел Егорович, услышал шум в коридоре и выскочил, чтобы разобраться, было уже поздно. Марк сидел сверху на герцогском сыне и монотонно превращал его лицо в кровавую кашу. Вокруг парочки сцепившихся заклятых врагов прыгала Лили... Старшая дочка герцога.

Мгновением раньше, и непоправимое бы не можно было избежать... Но Павел Егорович опоздал. Эта дура, называть по-другому, язык не поворачивается, вздумала применить против Марка заклинание «Огненного дождя», которое стекло по самопроизвольно активировавшемуся ментальному щиту, не причинив тому вреда.

И даже тогда еще можно было все исправить. Внушить девушке, что она ничего такого не происходило. И вообще, она просто стояла в стороне... Павел Егорович, до этого ни разу, не видевший применения силы Марком, замешкался, пораженный произошедшим...

Понятно, что парень применил способности на чистых инстинктах. Но сила... Сила поражала... даже в таком, неуправляемом виде, не ниже второго класса...

Марк отмахнулся, и фаербол, который девушка собиралась бросить в спину парню, просто исчез... Дура... Как есть дура. Тем огненным снарядом, который создала девушка,

она бы прошла тщедушного, в общем-то паренька насквозь, заодно отправив на тот свет собственного брата...

Для девушки схлопывание заклинания не прошло бесследно. Ее просто впечатало в стену... Она так и сидела, все то время, пока Павел Егорович оттаскивал Марка и организовывал помощь пострадавшему Эрику... коридор быстро заполнялся свидетелями и проводит сеанс по внушению дочке герцога воспоминаний, которые бы могли обеспечить алиби парню, стало поздно...

Марк, пусть и неосознанно, в гнев, подписал себе приговор...

Хотя... Павел Егорович знал, как можно было отвести от парня подозрение. Скрыть работу ментального мага уже не получится. Но кто сказал, что таким магом может быть именно Марк?

– Удачи, тебе парень... – почти беззвучно в темноту, прошептал бывший воришка, бывший солдат, бывший винодел и... теперь уже бывший учитель.

Долги принято отдавать... Пабло задолжал старому князю жизнь...

Последняя затяжка сигарой, перенесший его на короткий срок, и то лишь мысленно, домой... Аккуратно затушить и положить на подоконник.

Поворот. Два мага, разойдясь в стороны от выбитой двери, застыли, выжидая. Одного вида на них хватало понять, что они не вчерашние выпускники академии, а опытные бой-

цы, прошедшие через горнило битв. Возможно, что кто-то из них, а может и оба, были участниками битвы при Десницах. Той самой, что началась с боя у переправы...

Павел Егорович улыбнулся. Хороший день, чтобы умереть... Для все троицы. Он может выиграть. Даже у этих опытных ребят, но сегодня звезды сошлись иначе... После этих, будут другие. И им всем нужен будет менталист...

Стилет, ставший за годы продолжением руки, привычно скользнул в руку...

«Сегодня, мой друг, я напою тебя кровью магов...»

Глава 4

Да, елки-палки... Блин...

После темного потайного хода, легкий полумрак внутри какого-то сарая, куда он вывел, кажется ярким солнечным днем. Свет, ударивший по глазам, едва я сдвинул в сторону закрывающую выход панель, заставляет зажмуриться. И пару шагов, по инерции, делаю с закрытыми глазами за что немедленно расплачиваюсь. Споткнувшись о какую-то палку, теряю равновесие и с размаху падаю на пол, больно приложившись лбом еще обо что-то. Судя по ощущениям, деревянное...

И, кажется, порвал куртку... Везет же, блин...

Кое-как, постоянно натыкаясь голыми ладонями на мусор и рискуя сослепу снова вписаться во что-нибудь головой, принимаю сидячее положение... Глаза слезятся, в носу свербит после пыльного коридора, а на лбу медленно набухает приличная шишка...

Блин, да что за невезуха такая! От обиды и злости, готов расплакаться как ребенок, не в силах изменить ситуацию... Вот только слез нет. И вообще, я последний раз ревел, лет в семь, наверное, когда сдуру и по неопытности залез в улей без защиты...

Как меня изжалили пчелы... Ни словами не сказать, ни пером описать... Две недели ходил весь опухший, несмотр-

ря на срочно принятые отцом меры по лечению многочисленных укусов пчел. Да знаю я, что пчелы не кусаются, а жалят... Как тогда правильно будет говорить – многочисленных ужалов что ли? Не... Ерунда какая-то...

Во избежание новых столкновений с твердыми предметами, просто сижу на месте пару минут, дожидаясь, пока пройдет злость и глаза адаптируются к освещению. Шишка на голове немного поднывает, но не то чтобы сильно. Гораздо сильнее беспокоит пыль в носу... Апчхи! Апчхи! Апчхи!

Уф, полегчало... да и осмотреться могу теперь. Вроде не режет уже так глаза. Куда интересно, вывел меня потайной ход. Кручу головой по сторонам.

Судя по всему, какой-то сарай, в котором складывают разные инструменты. Лопаты, ведра, носилки всякие... Быстро прокручиваю, в каком именно месте на заднем дворе у нас в лицее стоят сараи. Хм... Практически у самой ограды, в дальнем конце.

Так... Если последовать совету Пал Егорыча, тут как раз удобно покинуть территорию лицея. Хозяйственные постройки, используемые в качестве складов для различного инвентаря, стоят аккурат у внешней ограды. Нужно только забраться на крышу. Там зазор в полметра до стены, перелезть не составит труда. Ну и спрыгнуть на землю тоже...

Я уже было собрался поискать возможность забраться на крышу изнутри, когда рядом со стеной сарая, кто-то громко

выругался и грохнул чем-то металлическим на землю. Лопаты, наверно. Снег же валит. Да и голос, хоть и не сразу, но узнаю. Правда, легче от этого не становится.

Приходится замереть, и ждать, пока дворник, по совместительству являющийся вахтером в мужской части общежития, громыхая инструментами и дверью соседнего сарая, не уберет их и не уйдет обратно.

В принципе, даже если меня и обнаружат тут, ничего страшного. Очередной выговор получу, и в наказание могут отправить чистить двор от снега. Но... Что-то не хочется, если честно... Да и, Пал Егорыч... Какое-то внутренне беспокойство, подсказывает мне, что светится не стоит. И вообще, стоит наверно, поскорее уже свалить из лица.

Гаврилыч, елки-палки... Чего ты там копаешься-то? Не май месяц на улице, вообще-то... Холодно же в одной форменной куртке. Сидеть в неотапливаемом сарае, совсем не то же самое, что перебежать из одного здания в другое. Из общежития, в учебный корпус... Х-холодно, черт побери...

Ветер, прорывающийся внутрь хлипкой сараюшки, заставляет пересмотреть свои планы. Поначалу, я хотел, как и советовал Пал Егорыч, сразу рвануть в город, нанять извозчика и рвануть в поместье. Вот только дрожь по всему телу и иней, начинающий скапливаться на ресницах, показывает всю глубину моей неправоты. Даже если удастся быстро найти извозчика, и уговорить его ехать до поместья, что с приближением вечера не самое простое дело, то... шанс, что я

помру по дороге от холода, приближается к ста процентам...

Все же, придется в комнату в общежитии заскочить. Переодеться. Да и деньги взять. У меня там немного, с десятков серебряных рублей. Но в качестве аванса хватит, надеюсь... если честно, понятия не имею, сколько стоит нанять извозчика до поместья.

За мной всегда приезжает дядька Аким. Поэтому никаких проблем не бывает. Не бывало... До сегодняшнего дня...

Чем сильнее я замерзаю, тем больше осознаю, во что я действительно вляпался... Герцог, точно не оставит без ответа избиение Эрика и удар, который я нанес Лили... И ему глубоко все равно, что Эрик провоцировал меня сам, а девочка просто попала под руку.

При воспоминании о девушке, в груди разлилось странное тепло, а сердце пропустило удар... чего это со мной? Какая-то пигалица, а я тут о ней еще и думаю... Фи... Ерунда какая.

Гаврилыч... Если ты сейчас не уйдешь, то проблема с герцогом решится сама собой... Я просто замерзну насмерть...

Вспоминая мысленно все слова, которые запрещалось произносить в приличном обществе и в стенах лицея в особенности, адресую их нашему дворнику-вахтеру. До сих пор чем-то гремит в соседнем сарае.

Осторожно, чтобы не задеть сваленный повсюду инструмент, и не зашуметь, пытаюсь подвигаться, чтобы согреться. Реально уже не до смеха... Из носа сопли в два ручья, а го-

лые кисти рук и вовсе почти не чувствую.

Сую руки под мышки и начинаю прыгать на одном месте. Взгляд начинает шарить по помещению, в поисках чего-нибудь тяжелого. Подойти к Гаврилычу и стукнуть сзади по голове...

Нет, я не кровожадный, просто холодно очень...

Наконец, будто решив больше не испытывать судьбу и мое терпение, которым я никогда не славился, за стеной громыхнула дверь, лязгнул замок и послышался скрип шагов по снегу. Уф... Ура!

Вообще, как я говорил, ничего страшного бы не произошло, выйди я из сарая при Гаврилыче. Просто, обострилась паранойя. Да и... Отношения у меня с дворником не очень хорошие. Ага... Я вечно нарушаю дисциплину и правила проживания в общежитии.

То вечеринку после отбоя устраю, то по водосточной трубе лазаю к девчонкам в гости... Ага, тоже после отбоя. Не, ну а чего мне делать еще, если я днем высыпаюсь? Все равно половину уроков прогуливаю.

В общем, на этой почве, с вахтером мы не очень дружим... Поэтому, помимо трудотерапии, от Гаврилыча я могу и чего хлеще дожидаться... Например, поход к директору. А туда мне сейчас, точно не надо...

Немного выждав, почти наощупь иду в сторону двери. Негнущейся рукой толкая створку и... Так и есть... Закрыто. И на что я надеялся, собственно говоря... Но проблему-то

решать как-то надо.

Едва двигаясь от холода, обследую стены, в слабой надежде найти мало-мальски подходящую дыру, через которую получится вылезти. Какой там... Как назло, именно в этом сарае, даже намеков на окна нет. Что такое не везет, и как с этим бороться, называется...

Но ведь должна же быть возможность выбраться изнутри? Иначе, весь смысл потайного хода теряется напрочь... Зубы стучат так, что слышно, наверно, на рынке, который на другой стороне города находится. Лицо и руки начинают гореть и чесаться от холода... Похоже, обморожения мне не избежать...

Пытаюсь вспомнить, что там нам на занятиях рассказывали про обморожения. Я ведь даже готовился немного к экзаммену по медицине... Как назло, вспомнить так и не получается.

Зато, я, кажется, понял в каком именно сарае оказался... В самом дальнем. В том месте, где две стороны внешней ограды, образуют угол. Только в нем нет окон. И вообще, он построен всего два года назад... Ага... Помню, мы еще доски таскали, чтоб на чердаке общежития тайник оборудовать...

Вот только это понимание, настроения не добавляет. Толку-то? Если выйти не могу... В очередной раз обходя помещение по периметру, спотыкаюсь о что-то твердое и чуть не падаю.

Прямо мизинцем, едва прикрытым легкими ботинками,

в которых я по лицу обычно хожу... Фуф... Да еще и ноги, замерзшие... Больно так, что, аж злость берет... Обо что я такое долбанулся? В порыве злобы наклоняюсь и хватаю негнушимися пальцами кувалду... Угу, именно об нее и ударился...

Я уже собирался выкинуть кувалду куда подальше, когда мою голову посещает гениальнейшая идея! Учитывая, что от мороза, даже мысли в голове едва движутся, то на премию «Князя Гагарина», выдаваемую за выдающиеся достижения лучшему студенту академий, точно номинироваться можно... Угу... В разделе – как сдохнуть от холода в двух шагах от теплого помещения...

С детства ненавижу мерзнуть... Наверно, где-то в глубине души, воспоминания, о том, как практически умер от холода в лесу, не дают мне спокойно относиться к морозу и зиме в целом... Не люблю, да-с...

Удар! Еще удар! Хрясь! Бумс!

Крепкая, сантиметров в пять толщиной доска ломается, под ударами тяжелой кувалды. Обломки повисают на гвоздях, торча острыми сколами на месте разлома... То, что шум может кого-нибудь привлечь, ерунда... Еще немного, и я замерзну так, что даже двигаться не смогу...

По сравнению с этим, встреча с директором, не стоит внимания... Я даже к двери не пошел. Выбил доску в стене. Откидываю уже ненужную кувалду в сторону, и руками выламываю доску до конца. В ладони впиваются занозы, но я да-

же толком не чувствую боли... Быстрее выбраться из этого промороженного склепа и добраться до теплого помещения...

А ведь поначалу, едва я выбрался из потайного хода, холод и не чувствовался почти... Это все из-за Гаврилыча... Вредный дядька. Из-за него все...

Не из-за моей горячности и принципов, вбитых в мозг, а из-за него, ага... Сарказм, если что, черт побери!

А, елки-палки! Протискиваясь в узкую щель, за что-то цепляюсь... Этого еще не хватало... Изогнувшись, чтобы упереться ногой в стену, резко толкаю тело вперед... Треск рвущейся ткани, оповещает о том, что моя форма больше непригодна для ношения в лице...

Равновесие удержать не удастся, поэтому с размаху падаю в рыхлый, только выпавший снег, едва успев подставить исколотые занозами руки, чтобы спасти лицо...

В дыру в форме, тут же задувает холодный ветер, отбирая последние остатки тепла... Быстрее, еще быстрее... Даже не осматриваясь, с низкого старта, начинаю разбег в сторону калитки, ведущей во внутренний двор. Оттуда уже можно будет попасть и в здание лицея и в мужское крыло общежития...

Чаще, конечно, все заходят со стороны главного входа, через небольшой сад, разбитый перед лицеем, но для этого мне нужно выбраться на улицу для начала. А уж потом, через пост охраны и главные ворота, добраться до общежития. Ни-

чего, я и с черного входа... Не гордый.

То, что меня могут увидеть, остается где-то за гранью восприятия... Слишком замерз... Хотя быстрое движение и разогнало немного кровь, но все же недостаточно, чтобы я согрелся.

Как назло, калитка закрыта. Педантичный дворник, покинув задний двор, всегда за собой все закрывает. И кувалду оставил в сарае... Хотя... калитка, пусть и не большая, но сделана на совесть. Из тяжелых дубовых досок, обитых толстым железом. Так что, выбить ее не получится, при всем моем желании... Особенно сейчас, когда и сил уже почти нет... Гребанная зима, гребанный мороз...

Лицей строился еще в те времена, когда в окрестностях Белецка шалили кочевники из западных степей, раскинувшихся за хребтами Рифейских гор. Поэтому, в отличие от всяких там хозяйственных сараюшек, стены и ворота, сделаны на совесть. Чтоб, в случае чего, можно было пересидеть внутри лицея осаду...

С досады долбанув кулаком по ледяному железу, поворачиваю налево и иду вдоль стены. Задержка злит и раздражает... Черт... Быстрее... Но, надежда на открытую калитку не оправдалась. Придется воспользоваться собственным путем с заднего двора.

Угу... А как еще незаметно покинуть территорию лицея? У меня был свой маршрут. Правда пользовался я им только ночью, чтобы никто не смог заметить... Но выбора не оста-

ется.

Если только вернуться в потайной ход... Скептически поворачиваю голову в сторону сарая, из которого только что выбрался... Сильно сомневаюсь, что у меня это получится... Панель, скрывающая выход, закрылась сам, через пару минут, после того, как я покинул ход. И, сильно сомневаюсь, что даже с помощью кувалды, мне удастся ее открыть...

Там явно какое-то заклинание использовано. Или вообще, артефакт... Ага, знаю, такие делают сильные маги.

Пока носился туда-сюда, немного согрелся. По крайней мере, тело немного слушаться начало. Правда руки почти не чувствуются, и изранены, а ведь они мне сейчас очень понадобятся...

Угу... Мой тайный путь на волю из цитадели лица, и, соответственно обратно, проходит по отвесной стене. Каждый раз чувствую себя великим покорителем вершин, когда спускаюсь и поднимаюсь, цепляясь за торчащие кирпичи, из которых сложена стена общежития и ограда, отсекающая задний двор от внутреннего.

Подняться можно тут, в углу, образованном стыком забора и стены женского корпуса общежития. В любом другом месте, шансов вообще никаких. Если только по водосточным трубам, но они хорошо видны из окна директора. Такая себе затея, если честно... Даже для меня, было бы чересчур так наглеть.

Хм... Что-то мне прямо не по себе становится, едва я, до-

бравшись до нужного места, поднимая голову вверх, чтобы осмотреть предстоящий подъем... Раньше я ни разу не пользовался этим путем при свете дня, и... В темноте это выглядит не так впечатляюще...

Может крикнуть кого, наплевав на то, что мне желательно покинуть территорию лица незаметно? Пару минут на полном серьезе обдумываю эту мысль. Не... Точно ведь отчислят. Да еще и охранники Эрика меня будут ожидать у ворот, когда же я с документами выйду за ворота.... А может и вообще, внутрь лица зайдут, горя желанием наказать меня за то, что я сделал с герцогским сыночком...

То, что мне сойдет с рук все, не верю вот совсем, хоть и пытаюсь прокрутить в голове возможные варианты...

Эх, ладно... Кинув на всякий случай взгляд в сторону калитки, проверяя не идет ли кто, взяв небольшой разбег, прыгаю на стену, дотягиваясь до первого кирпича, за который можно зацепиться...

Сказать, что восхождение, иначе и не назовешь мое карабканье, дается мне очень тяжело, не сказать ничего... К концу подъема, до этого замерзший до состояния сосульки, я вспотел будто в жаркий летний полдень...

С трудом перевалившись через невысокий бордюр, идущий по краю крыши, заваливаюсь на спину, и лежу... Отдышаться. Воздуха категорически не хватает, в глазах круги, а в висках бьют молоточки... Обычно, как-то легче мне этот маршрут дается...

На выстуженной черепице крыши, долго не полежишь... Особенно, когда со всех сторон открыт холодным ветрам, да еще и раздетый практически. На ветру, одежда, пропитанная потом за время подъема по стене, тут же схватывается жесткой корочкой. И, хоть я и вымотанный, но надо двигаться.

Причем, вот именно сейчас, передвигаться придется ползком. Иначе точно заметят... До ближайшего чердачного окна, метров пятьдесят по скользкой, покрытой корочкой льда крыше... Причем по той стороне, которая смотрит на здание учебного корпуса. Мда... Весело...

Приподнявшись на локтях, начинаю ползти. Движение жизнь.

Проползти по обледенелой крыше, рискуя в любой момент сорваться вниз и рухнуть с высоты четвертого этажа, оказывается ни разу не легче, чем до этого подняться по отвесной стене. Но, мне наконец везет...

Чердачное окно оказывается открыто. Буквально на последнем издыхании, затягиваю свою тело внутрь проема и смачно шлепаюсь на пыльный пол. Хорошо хоть не высоко. С полметра всего, поэтому не больно... Подниматься не троплюсь.

Ветер на чердак не проникает, поэтому тут гораздо теплее, чем на открытом воздухе... Хоть немного набраться сил...

Кха-кха, кху... Ни с того, ни с сего, меня скручивает приступ кашля. Видимо из-за пыли, которой я надышался. Но

если я продолжу медлить, то можно ведь и заболеть. А я хочу болеть? Не-а... Вот совсем не хочется. Даже маленькой капельки.

Кряхтя и стоная, как старый дед, взгромождаю свое измученное и замороженное тело на ноги. Дальше будет проще. Чердак для мужского и женского крыла, один. Сквозной. Конечно, он тоже закрывается, но там запор, так себе. Обычный засов. Открыть его сверху, проблем не составит. Давно уже все отработано. И даже штырь специально для этого лежит у спуска на этаж.

Уже собираюсь идти, когда какое-то странное предчувствие, заставляет меня подойти к окну, через которое я буквально минуту назад проник на чердак.

Хм... И что тут интересного? С места, на котором я стою, просматривается только учебный корпус. Да и то, первый этаж только верхняя половина.

Кстати, а вот и окна кабинета арифметики. Хм... Это получается я нехилую петлю заложил, почти в пять раз длиннее, чем если бы напрямую через двор прошел...

Что-то Пал Егорыч перемудрил... И я, как дурак повё...
Окна кабинета Пал Егорыча, на которые я в этот момент смотрю, внезапно вспухают, вылетая обломками наружу, вместе с солидным куском кирпичной кладки стены... Огненный вихрь, вырвавшийся следом, бьет метров на пять вперед... И лишь через секунду, по ушам бьет хлесткий звук мощного взрыва... А мое сердце неприятно екает и замира-

ет, пропуская удар...

Глава 5

Шок. Думаю, мое нынешнее состояние, похоже именно на шок. Стою, в ступоре, не в силах отвести взгляд от черного столба дыма, в разрывах которого мелькают языки пламени, медленно поднимающегося к серым облакам...

Этого не может быть... Просто не может быть и все тут... Как, почему? И вообще, что происходит? Судя по силе взрыва – работа магов. По крайней мере, ничего больше на ум не идет... Я, хоть и не сталкивался с настоящими сильными магами, но кое-какие умные книжки читаю...

Ага, время от времени...

Гадать, откуда взялись маги, такой силы в нашем захолустье, мозги не хотят... Если верить книгам, то взрыв, обрушивший часть стены, могут организовать одаренные не ниже третьего класса... Или четвертого. Честно, без справочника, или того, кто мог из собственного опыта поделиться информацией, так навскидку, не соображу... И не посчитаю...

Краски вокруг поблекли... И так, серый день, вовсе потерял все оттенки. Осталось только черное и белое... Свист ветра, скрип, голоса во дворе лица – все исчезло. Мир разом сузился до разломанного оконного проема, из которого тянет черный дым в отблесках серого пламени...

Я хочу вырваться из этого странного состояния не то сна, не то паралича. Но даже пальцами не могу пошевелить. Ме-

ня будто залили прозрачным стеклом, оставив лишь возможность видеть...

В голове взрывается фейерверк и я оказываюсь в кабинете Пал Егорыча, который покинул совсем недавно. Правда, узнать помещение, можно лишь по обломкам табличек с арифметическими формулами. Ничего общего, с тем, что было ранее...

Кабинет заполнен дымом, так, что режет глаза и легкие. Не знаю, как я тут оказался... Двигаться не могу, по-прежнему. Судя по ракурсу, я нахожусь у той самой панели, скрывающей потайной ход... Только вот смотрю, будто из-под потолка. Сверху вниз, под небольшим углом... Серый свет, не дает толком осмотреться, но и того, что я наблюдаю, вполне достаточно...

Чадящие переломанные парты. Черные обугленные отметины на стенах. Перевернутый учительский стол, вокруг которого разбросаны в полнейшем беспорядке исписанные мелким почерком бумаги и письменные принадлежности...

Входная дверь раскрыта настежь, но рассмотреть, что там в коридоре, возможности нет никакой. Яркое пятно желтого света, полностью перекрывает обзор. Это пятно желтого цвета, резко контрастирует с общей картиной, полностью выпадая из рисунка... Оно отвлекает внимание, не давая сконцентрироваться на происходящем в кабинете. Хотя посмотреть, есть на что...

Посреди аудитории, там, где раньше стояли парты, прямо

на полу, лежат тела мертвых людей. Пять или шесть человек. То, что они мертвы, понятно с первого взгляда. Неестественно выгнутые шеи, перерезанное горло, разрубленная голова...

В любом другом случае, меня непременно бы вывернуло наизнанку от такой картины, а сейчас я фиксирую происходящее, как-то... Отстраннено. Будто рассматриваю картинку в книге... Немного присмотревшись, различаю темные полосы, проведенные по полу, от одного тела к другому. Слишком ровные, чтобы оказаться случайными следами...

Линии образуют какую-то фигуру... Дым, хоть и не такой плотный, как в тот момент, как я сюда переместился, не даст толком рассмотреть... Я изо всех сил напрягаю глаза, но картинка уплывает от моего сознания...

Пентаграмма. Внезапно, до меня доходит, что нарисовано на полу и чем... Просто мысленно соединил тела ровными линиями. Пентаграмма. Уверен на сто процентов, что тот рисунок, на полу, это пентаграмма. И нарисована она – кровью. В этом тоже уверен, хотя и не могу определить цвет.

Но не это главное... Пентаграмма, в общем-то, обычный атрибут, при исполнении магических ритуалов. Позволяет правильно перераспределить потоки силы и упорядочить их... Ага, про это тоже в книжках пишут. Правда не во всех... Но то другой вопрос, и не сейчас об этом думать...

Человек. Человек, стоящий точно в центре рисунка. В этом обожженном и оборванном, залитом кровью с ног до

головы человеке, с большим трудом можно узнать Пал Егорыча... Половина лица сожжена, волосы на голове спеклись в сплошную темную корку. Правый глаз отсутствует. Лишь из пустой глазницы, на перемазанную гарью щеку стекает струйка крови...

Правой руки нет, а в левой зажат тонкий стилет. Странно, но он чист... Ни пятнышка крови, на серебристом лезвии, ни следов гари. Разбитые губы учителя, что-то шепчут, но я не слышу... Хотя...

«Воин. Хорошая смерть для воина. Кто-то всегда должен умереть, чтобы жили другие...»

Как? Как я смог это услышать? Ведь никаких других звуков не существует.

Внезапно Пал Егорыч поворачивает изуродованное лицо в мою сторону, будто что-то почувствовав. Его губы пытаются изобразить улыбку, а в единственном глазу, я вижу не безысходность, а... Радость? Учитель счастлив, что погибает? Или что так изуродован? Ничего не понять...

Павел Егорович вытягивает зажатый стилет перед собой, едва заметным движением перехватив его за лезвие.

– Теперь, это твое...

Едва различимый шепот, звучащий будто ниоткуда и отовсюду одновременно. Павел Егорович ждет... Он думает, что я могу взять стилет? Так я же двигаться не могу... То, что, вообще-то, до учителя метров пять и я не могу дотянуться до стилета рукой физически, как-то остается за гра-

нью восприятия...

Выжидающий взгляд... Внезапно понимаю, что я могу протянуть руку вперед... Пальцы сжимаются на холодной рукояти клинка...

* * *

Грохот еще одного взрыва возвращает меня в реальность... Ударная волна такой силы, что здание подо мной, словно прыгает вверх, заставляя меня ловить равновесие... Пытаюсь ухватиться за оконный проем, чтобы устоять на ногах. Но не получается. Что-то зажатое в руке, мешает это сделать...

Перевожу взгляд и... Не знаю, как реагировать на увиденное... В моей руке зажат стилет. Тот самый... Пал Егорыча... Но, как?

Зажмуриваю глаза, после чего широко их раскрываю... Стилет никуда не исчез. Все так же в моей руке, блестит острозаточенным лезвием. Может все это просто сон?

Сначала это видение, а теперь еще клинок в руке... Как можно проверить, спишь или нет? Осторожно кладу стилет на подоконник, с опаской отодвигаясь в сторону, будто от ядовитой змеи и со всей силы щипаю себя за руку... Ой, больно-то как...

На предплечье, в том месте где я себя ущипнул, стремительно наливается синяк. В полумраке чердака, он кажется

иссиня-черным...

Мда... Себя я точно не пожалел... Правда, ситуацию моя проверка никак не меняет. Стилет все так же блесит на окне, даже не собираясь исчезать...

Ерунда какая-то... Откуда-то снизу, после небольшой паузы, начинает доноситься шум. Что там происходит, разобраться невозможно из-за того, что сильный ветер перемешивает голоса в какую-то какофонию... Надо бы глянуть. Вообще, что это за взрыв был такой мощный...

Черт... И взрыв, и этот, непонятно как оказавшийся у меня клинок. Вот чувствую, что они как-то связаны между собой...

Ум за разум заходит от такого обилия произошедших событий... Не знаю, куда бежать и за что хвататься... К такому меня никто не готовил, если честно.

Снова подхожу к окну и выглядываю наружу. Шум голосов снизу уж очень быстро усиливается...

Ох... Подобрать подходящий эпитет тому, что я увидел, так сразу не получается. Но зато сразу же становится понятно, где произошел взрыв...

Здание учебного корпуса, радикально изменило свой внешний вид. В том месте, где совсем недавно находился кабинет арифметики, сейчас нет ничего...

Лишь обломки балок торчат из ободранных стен... крыша, вместе с межэтажными перекрытиями, просто сложились вниз, образовав на земле огромную кучу из битого кам-

ня, перемешанного с обломками мебели... Весь корпус лишился стекол, и сейчас смотрится будто после природного катаклизма. Кое-где отколоты барельефы. Горгульи, стоявшие на углах крыши исчезли.

Похоже их тоже сбило взрывом... Черт, что творится внизу, не вижу. Надо на крышу выбираться, чтобы увеличить угол обзора. Недолгое раздумье, и...

Ну да, я осторожно ползу по скользком скату, усыпанному обломками камней. Странно, но я не слышал стука, когда они падали сверху...

Ай, елки зеленые...

Неудачно опираюсь рукой на черепицу и чуть не срываюсь вниз. Попадаю рукой на осколок стекла, который не заметил в покрытом пылью слое снега... На исклотой и исцарапанной руке, добавляется еще один глубокий порез, тут же наполняющийся алой кровью...

Больно, но, если честно, не так, чтобы уж сильно. Похоже начинаю привыкать. Или просто от холода теряется чувствительность. Плевать, потом разберусь...

Отряхиваю с руки набежавшую кровь, капли которой разлетаются вокруг, и сжав зубы от боли, продолжаю свой путь к краю крыши... Слава богу, больше никаких травм не получаю. Немного отдышавшись, приподнимаю тело и заглядываю за обрез, чуть не сверзившись вниз из-за внезапного приступа головокружения. С чего бы? Никогда не боялся высоты, а тут каких-то шесть метров и надо же – страшно.

Закрыть глаза, глубоко вдохнуть и постараться отрешиться от всего... Через какое-то время, меня отпускает и открываю глаза. Наконец удастся рассмотреть, что происходит внизу, во дворе лица между общежитием и учебным корпусом.

Столпотворение... Первое, что пришло на ум, едва я смог присмотреться к происходящему. Двор, не такой уж и широкий, сейчас напоминает рынок в выходной день. Кто-то куда-то бежит, кто-то стоит, сгрудившись в небольшие компании. Видимо обсуждают происшествие.

В дальнем конце, у той самой закрытой калитки, ведущей на задний двор, преподаватели во главе с нашей медичкой, Елизаветой Дмитриевной, устроили импровизированный госпиталь. Прямо на улице, несмотря на холодную погоду, разбит навес, под которым оказывают помощь ученикам, пострадавшим при взрыве...

Вроде никого из знакомых там не видать. Хотя в общей толкучке, и с моего курса парни есть, и просто те, кого знаю. А вот девчонок совсем не видно...

Хотя, скорее всего, они с другой стороны корпуса. Там, где второй выход из женского крыла расположен. В общем-то, правильно. Нечего делать им в месте, где может быть опасность...

Хм... А эти-то, чего тут забыли?

Мое внимание привлекает группа подтянутых мужчин, в знакомой форме... ну точно... На плече каждого из бой-

цов вышит герб. Перерубленный наискосок цветок клевера... Что-что, а уж этот герб я точно узнаю. Даже при плохом освещении и с большого расстояния. Точно такие же нашивки носят охранники Эрика. Да и у него самого герб на одежде вышит. Правда на груди, а не на плече, но сути не меняет...

Интересно, и что тут бойцы герцога делают в таком количестве. В группе, стоящей на самом выходе из двора, насчитываю шесть человек... Стоят, между прочим, так, что и не выйдешь со двора, зажатого между двух зданий, минуя их...

Впрочем, удивляет не наличие людей герцога, а их количество. С Эриком всегда ходят только два охранника. Причем всегда одни и те же... Значит, дело не в нем...

Пока размышляю о причинах появления такого количества бойцов, не относящихся к лицу никаким боком, осматриваю завал, образованный в том месте, где еще утром было три этажа учебных аудиторий...

Оп-па...

Взгляд цепляется за что-то, непохожее на обломки кирпича или парты. Кажется... Точно – это же тело! Припорошенное пылью, оно больше напоминает часть манекена, чем живого, точнее уже мертвого, человека... Да и видно только часть груди и плечо...

Причем, я их уже видел... Угу... В тот самый момент, когда неведомо как оказался в аудитории Пал Егорыча, с нарисованной на полу пентаграммой...

Ну точно. Вот и огненный шар в центре перекрещенных

молний... Еще тогда показалась знакомой эмблема. Сейчас вспомнил, где я ее видел...

В учебнике... По геральдике. Буквально пару недель назад мы, как раз начали проходить тему... Ведомственные и цеховые гербы. Вот там и была эта эмблема...

Маг... Без вариантов. Потому что никто другой просто не посмеет использовать такой знак... Хотя, то, что в кабинете Пал Егорыча орудуют маги, было понятно еще в тот момент, когда выбило кусок стены... При самом первом взрыве...

Прикрываю глаза, вспоминая недавнее видение. Я, конечно, не самый внимательный человек, но вот на память грех жаловаться... Быстро прокручиваю картинки в голове. Ага... Вот. То что нужно...

Пентаграмма. Стараюсь припомнить детали... Хотя я и был ошарашен произошедшим, но все же все запомнил. Просто не акцентировал внимания...

Точно! У троих из той пятерки мертвых людей, были нашивки магов... А еще у двоих – герб герцога. Вот же... Похоже, Павел Егорович был прав... У меня проблемы... Серьезные проблемы...

Но все равно, не такая я важная птица, чтобы из-за меня нагнать в лицей такую кучу людей... Подумаешь... Драка... Никто же этого не мог спланировать... Откуда тогда столько герцогской охраны, да еще и с магами?

Стоп! Лили... Она же магичка!

Это не Эрика охраняли... Это ее... И, учитывая, что де-

вушке от меня досталось, охрана со своей задачей не справилась... Ну, твою ж...

Цензурных слов у меня не нашлось... Если с обидой герцога, еще можно было что-то поделаться. Принести извинения, как-то договориться. Отца подключить... Все же, несмотря ни на что, на все Приграничье, имеется всего два представителя высшей знати, поэтому доводить до острого конфликта вряд ли кто будет...

Отцу это просто не нужно, а герцог, вряд ли захочет обострять отношения с представителем клана, в который входит правящий в Союзе род...

Но вот от мести охранников, которые определенно будут наказаны, за оплошность, уберечься будет ой как непросто... Особенно сейчас, когда еще не остыли горячие головы... От камня упавшего на голову, никто не застрахован...

А если верить слухам, про тех, кто служить герцогу, то и от стрелы в спину, тоже зарекаться не стоит... Прямо как в тех приключенческих романах, которые, пусть их и немного, но имеются в лицейской библиотеке... Бр-р-р...

Мне конечно, нравятся все эти истории, и я не раз сам мечтал оказаться на месте отважных героев... Но вот сейчас, глядя на развалины учебного корпуса и полузасыпанный труп мага, от прежнего энтузиазма мало что осталось...

То ли я слишком высунулся, пытаюсь разглядеть подробности, то ли еще почему, но внезапно чувствую на себе чье-то внимание... Злость, раздражение... Ни с того, ни с сего

включаются мои способности эмпата... Хм... И кто тут такой глазастый?

Кручу головой, в поисках того, кто меня рассматривает. Ага... Вот оно что... Увиденное мне совсем не нравится...

Потому что в мою сторону смотрит один из той пятерки герцогских людей, которые блокируют выход. Вот он кого-то подзывает коротким жестом из толпы, после чего начинает что-то объяснять подошедшему бойцу, периодически указывая подбородком в сторону крыши, на которой я залег...

Черт... Черт... Черт...

Быстро вжимаюсь в крышу, стараясь полностью исчезнуть из поля зрения, хотя и понимаю, что уже поздно... Надо срочно валить отсюда. Рискую сорваться на обледенелой крыше, начинаю отползать обратно к чердачному окну...

Израненные руки, тут же напоминают о себе ноющей болью, а тело, не успевшее толком отогреться на чердаке, отказывается быстро двигаться.

С горем пополам, мне все же удастся добраться до чердачного окна и тяжело перевалиться через него внутрь, попутно смахнув стилет, упавший так, что втыкается в пол, прямо перед моим носом...

Угу... В окно я по сути нырнул, приземлившись на жесткий пол плашмя. Больно, но, замерзшее тело, практически ничего не чувствует. Да еще и слышится гораздо хуже, чем, когда я только поднялся на крышу...

Кое-как заставляю себя подняться на четвереньки и, вы-

дернув стилет, который просто рука не поднялась оставить здесь, начинаю двигаться в сторону люка, ведущего на этаж...

Понемногу разогреваясь от движения, к выходу с чердака я добираюсь уже стоя на ногах, а не в позе пьяной собаки... Хе-хе... Улыбаюсь, пришедшему на ум сравнению...

Найти штырь, подцепить засов и поднять довольно тяжелую крышку люка, уже не составляет труда. Привычное дело, в общем-то...

Быстро хватаюсь за лестницу и буквально скатываюсь на лестничную площадку, куда и ведет выход с чердака, забыв закрыть за собой люк. Уже собираюсь исправить оплошность, но тут мой слух улавливает громкий топот бегущих людей на первом этаже... Что-то подсказывает мне, что это по мою душу...

Плюнув, быстро ныряю на этаж. Хорошо, тепло... Но тело все еще плохо слушается, не успев отогреться... Толкаю первую попавшуюся дверь в чью-то комнату. Закрыто. В следующую. Тоже заперто...

А звук топота все ближе и ближе... Кажется уже на втором этаже. Конечно, можно и в коридоре было бы подождать. Вряд ли мое лицо сумели рассмотреть с такой дистанции. Вот только, мой внешний вид выдаст сразу...

Грязный, оборванный, с кровоточащими руками... да уж... Тут никаких сомнений не возникнет, кто там по крышам лазит...

Ура... Очередная дверь оказывается не запертой. Быстро вваливаюсь в комнату, захлопывая за собой тонкую створку и задвигая засов. И лишь после этого поворачиваюсь, чтобы посмотреть, куда ж меня занесло-то...

О, как!

На расстеленной кровати сидит, укрывшись одной простыней и прижимаясь к стене спиной, девушка. Ничего такая. Симпатичная. Но, не в моем вкусе. Слишком уж пухленькая. Только вот чего она тут делает? Это же мужское крыло?

А... Хотя понятно... Перед кроватью, стоит, судя по всему, хозяин этой комнаты. Чернявый и субтильный парнишка, который учится на третьем курсе. Вспомнить, как его зовут, не получается так сразу... Да и фиг, с ним, если честно...

Стоит, в общем... Голый... Вот совсем. Хоть бы прикрылся, что ли...

Стоит, будто собираясь что-то сказать, но лишь открывает и закрывает рот, скашивая взгляд куда-то вниз... И чего это он?

Прослеживаю его взгляд... Ну, теперь понятно... Стилет в моей окровавленной руке... Не знаю, чего уж себе успел надумать, но явно ничего хорошего... Ага. Видок у меня еще тот...

Убийца, елки-палки... Я б, наверное, тоже не сразу сообщил, что сказать, если б ко мне в комнату, в самый разгар

«общения» с прекрасным полом, кто-то ворвался с ножом в руку...

Глава 6

Отвлекаюсь на шум, раздавшийся в коридоре. Кто-то повторяет мой путь, толкая каждую дверь. Замираю прислушиваясь, упустив из виду хозяина комнаты... И чуть было не поплатился за это.

В последний миг, каким-то десятым чутьем, фиксирую движение сбоку, и недолго думая, выкидываю навстречу летящему предмету руку, напрочь позабыв про клинок в ней.

Черт! Кисть пронзает резкая боль. Кажется, связки порвал...

Хозяин комнаты, не посмотри, что без подштанников, а труса не празднует. Это ж надо было додуматься, бить меня стулом... Если б не успел среагировать, точно бы голову проломил... А так, только руку повредил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.